

Курт Воннегут

Kurt Vonnegut, Jr.

Механическое пианино
Матерь Тьма

Библиотека классики (АСТ)

Курт Воннегут

**Механическое
пианино. Матерь Тьма**

«Издательство АСТ»

1952, 1962

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Воннегут К.

Механическое пианино. Матерь Тьма / К. Воннегут —
«Издательство АСТ», 1952, 1962 — (Библиотека классики (АСТ))

ISBN 978-5-17-150872-2

Добро пожаловать в прекрасный новый мир! Общество разделено на две неравные части. Привилегированную группу составляют люди с высоким уровнем интеллекта – управляющие и инженеры на полностью автоматизированном производстве. Остальные существуют по другую сторону реки – без определенного занятия, в контролируемом машинами пространстве умеренности. Кажется, что сыты и целы и волки, и овцы. Но так ли это на самом деле? * * * Американский писатель, живущий в гитлеровской Германии, вынужден выдавать себя за ярого нациста и вести пропагандистские передачи на радио. Но можно ли во имя победы добра служить злу? Проповедовать насилие, даже если знаешь, что в конечном итоге это поможет прервать смертельный ход безжалостной машины для убийства? Где грань между Светом и Тьмой и как удержаться на этой грани?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-150872-2

© Воннегут К., 1952, 1962

© Издательство АСТ, 1952, 1962

Содержание

Механическое пианино	6
I	6
II	17
III	20
IV	26
V	32
VI	44
VII	46
VIII	49
IX	57
X	72
XI	78
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Курт Воннегут

Механическое пианино. Матерь Тьма

Kurt Vonnegut

PLAYER PIANO

MOTHER NIGHT

© Kurt Vonnegut, Jr., 1952, 1961, 1966, 1980

© Copyright renewed 1989, 1994 by Kurt Vonnegut

© Перевод. М. Брухнов, наследники, 2016

© Перевод. В. Бернацкая, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

* * *

Механическое пианино

I

Город Илиум в штате Нью-Йорк делится на три части. Северо-восток – место жительства управляющих, инженеров, а также городских служащих и небольшой группы специалистов; северо-запад – обиталище машин; в южной же части, отделенной от прочих рекой Ирокез и получившей в народе название «Усадьба», ютится все остальное население.

Если бы вдруг мост через Ирокез оказался взорванным, это мало изменило бы обычное течение жизни. И по ту, и по другую сторону реки, пожалуй, не найдется желающих общаться между собой, и навешиваться на тот берег их может заставить разве что простое любопытство.

Во время войны в сотнях таких же илиумов управляющие и инженеры научились обходиться без мужчин и без женщин, которых отправили сражаться. Война была выиграна невероятным способом – одними машинами, без применения людской силы. В стилизованных патио на северном берегу Ирокеза жили люди сведущие – именно те, кто выиграл войну. Это именно им, сведущим людям, демократия обязана жизнью.

Десять лет спустя после окончания войны – после того, как мужчины и женщины вернулись к своим очагам, после того, как бунты были подавлены, а тысячи бунтовщиков были брошены в тюрьмы за саботаж, – доктор Пол Протеус сидел в своем кабинете, поглаживая кошку. В свои тридцать пять лет он был уже самой значительной фигурой в Илиуме – управляющим Заводами Илиума. Это был высокий худощавый брюнет с мягким взглядом, с длинным лицом, как бы перечеркнутым очками в темной оправе.

Но в данный момент, как, впрочем, и вообще в последнее время, ни своей значительности, ни своего выдающегося положения он вовсе не ощущал. Сейчас ему важно было только, чтобы кошка освоилась с новой для нее обстановкой.

Люди, достаточно старые для того, чтобы помнить, и слишком старые, чтобы состязаться с Протеусом, с умилением признавали, что он как две капли воды походит на своего отца в молодости. Считалось неоспоримым (в некоторых кругах это признавали с оттенком неприязни), что Пол в один прекрасный день продвинется по служебной лестнице так же далеко, как и его отец. Доктор Джон Протеус-старший к моменту своей смерти был первым национальным директором Промышленности, Коммерции, Коммуникаций, Продовольственных товаров и Ресурсов – пост, по важности уступающий разве только посту президента Соединенных Штатов, да и то лишь в определенной степени.

Правда, рассчитывать, что гены семьи Протеус будут переданы еще одному поколению, не приходилось. Жена Пола, Анита, его секретарь в военные годы, была бесплодна. Ирония, если кому-нибудь и пришло бы в голову иронизировать по этому поводу, заключалась в том, что Пол женился на ней после того, как Анита в один из интимных вечеров, устраиваемых в честь победы, совершенно определенно сообщила ему о своей беременности.

– Ну как, киска, нравится? – Доброжелательно и с чувством вины молодой Протеус нежно погладил кошку свернутой копиркой по выгнутой дугой спине. – Мммм-а – хорошо, правда?

Он поймал ее сегодня утром у площадки для игры в гольф и принес на завод ловить мышей. Только вчера вечером мышь прогрызла изоляцию на контрольном кабеле и временно вывела из строя здания № 17, 19 и 21.

Пол включил интерком на своем столе.

– Катарина?

– Да, доктор Протеус?

– Катарина, когда же будет напечатана моя речь?

– Я занимаюсь этим, сэр. Еще десять – пятнадцать минут, честное слово.

Доктор Катарина Финч была его секретарем и единственной женщиной на Заводах Илиума. Фактически она была лишь символом его высокого положения, а отнюдь не помощницей, хотя некоторую пользу она все же приносила, заменяя его на время болезни или когда у него возникало желание пораньше уйти с работы. Только большое начальство – от управляющего заводом и выше – имело секретарей. Во время войны управляющие и инженеры обнаружили, что значительная часть секретарской работы, как, впрочем, и другой второстепенной работы, может быть выполнена быстрее, дешевле и результативнее при помощи машин. Аниту, когда на ней женился Пол, как раз собирались уволить. И вот сейчас, например, Катарина раздражала его своей медлительностью, тем, что, неторопливо набивая его речь, она одновременно разговаривала со своим, как все полагали, любовником, доктором Бадом Колхауном.

Бад, управляющий нефтебазой в Илиуме, бывал занят только тогда, когда поступало горячее. Большую часть времени между этими напряженными моментами он проводил, как и сейчас, отвлекая внимание Катаринины потоками своего мягкого говора уроженца Джорджии.

Пол взял кошку на руки и поднес ее к огромному, во всю стену окну.

– Масса мышей здесь, киска, масса мышей! – сказал он.

Он показывал кошке старое поле боя. Здесь, в долине реки, могауки победили алгонкинов, датчане – могауков, англичане – датчан, американцы – англичан. Сейчас поверх костей и сгнивших частоколов, пушечных ядер и наконечников стрел раскинулся треугольник стальных и кирпичных зданий, треугольник, каждая сторона которого вытянулась на полмили, – Заводы Илиума. И там, где некогда люди с воплями кидались друг на друга или вели борьбу не на жизнь, а на смерть с природой, теперь гудели, визжали, щелкали машины, изготавливая детали к детским коляскам, пробки к бутылкам, мотоциклы, холодильники, телевизоры и трехколесные велосипеды – плоды мирного производства.

Пол перевел взгляд выше, за крыши огромного треугольника, на солнечные блики на поверхности Ирокеза и за реку – на Усадьбу, где живет еще много людей, носящих имена пионеров: ван Зандт, Купер, Кортлэнд, Стоке...

– Доктор Протеус? – Это опять была Катарина.

– Да, Катарина.

– Опять!

– Третий в здании 58?

– Да, сэр, сигнальная лампочка снова зажглась.

– Хорошо, позвоните доктору Шеферду и узнайте, что он намерен предпринять.

– Он сегодня болен. Помните?

– Тогда, видимо, придется заняться этим мне.

Он надел пиджак, взял кошку и, тоскливо вздохнув, вошел в комнату Катаринины.

– Не вставайте, не вставайте, – сказал он Бад, который растянулся на диване.

– А я и не собираюсь вставать, – отозвался тот.

Три стены этой комнаты были от пола до потолка уставлены измерительными приборами, кроме пространства, занятого дверями в кабинет Пола и приемный зал. Вместо четвертой стены, так же как и в кабинете, было огромное окно. Измерительные приборы были одинакового размера, каждый с пачку сигарет. Они покрывали стену плотными рядами, точно кафель, и на каждом из них была блестящая медная пластинка с номером, и каждый из них соединялся с группой машин где-то на Заводах. Сияющий красный рубин привлек его внимание к седьмому прибору снизу в левом пятом ряду на восточной стене.

Пол постучал пальцем по счетчику прибора.

– Ага, опять то же: третий номер в 58-м отказал. Ну ладно, – он взглянул на остальные счетчики. – Полагаю, это все?

– Да, только этот.

– А на кой черт вам сдалась эта кошка? – спросил Бад.

Пол прищелкнул пальцами.

– Кстати, я рад, что вы спросили об этом. У меня есть для вас задание. Мне нужно какое-то сигнальное приспособление, которое оповещало бы эту кошку, где она сможет поймать мышь.

– Электронное?

– Хотелось бы.

– Значит, необходим какой-то сверхчувствительный элемент, который мог бы учуять запах мыши.

– Или крысы. Подумайте об этом, пока меня здесь не будет.

Шагая в бледных лучах мартовского солнца к своей машине, Пол вдруг понял, что Бад Колхаун к моменту его возвращения в контору на самом деле сконструирует сигнальное приспособление, и притом такое, что его будет понимать и кошка. Иногда Пол задумывался над тем, что его, пожалуй, больше устроила бы жизнь в каком-либо ином историческом периоде, а вот закономерность существования Бада именно сейчас не вызвала никаких сомнений. Бад был воплощением подлинного американца, типа, сложившегося с первого же момента образования нации, – он обладал и неутомимостью, и проницательностью, и воображением техника. Нынешнее время для поколения бадов колхаунов было кульминационной точкой или приближалось к кульминации – теперь, когда почти вся американская промышленность оказалась объединенной в единую гигантскую машину Руба Голдберга.

Пол задержался подле автомобиля Бада, стоявшего рядом с его собственным. Бад несколько раз демонстрировал Полу достопримечательности своей машины, и Пол в шутку решил ее завести.

– Поехали, – сказал он машине.

Раздалось гудение, потом – щелчок, и дверь распахнулась.

– Залезай, – произнес записанный на пленку голос из-под приборного щитка.

Педаль стартера опустилась, мотор взвыл и тут же заработал ровно. Включилось радио.

Забавляясь, Пол нажал кнопку на рулевой колонке. Заурчал еще какой-то механизм, мягко скрипнули шестеренки, и два передних сиденья начали равномерно откидываться, подобно сонным любовникам. Это так же неприятно подействовало на Пола, как вид операционного стола для лошадей, который ему однажды пришлось наблюдать в ветеринарной больнице: лошадь там подводили к вращающемуся столу, привязывали к нему, усыпляли при помощи наркоза, а затем запрокидывали в удобное для оперирования положение при помощи шестеренок подвижной крышки стола. Пол явственно представил себе Катарину Финч, как она запрокидывается, запрокидывается, запрокидывается, а Бад напевает что-то, не снимая пальца с кнопки. Нажатием другой кнопки Пол поднял сиденья.

– До свидания, – сказал он автомобилю.

Мотор умолк, радио выключилось, Пол вышел, и дверца захлопнулась.

– Не дай себя обжужить! – выкрикнул автомобиль, когда Пол уже усаживался в свою собственную машину. – Не дай себя обжужить, не дай себя обжужить, не дай...

– Ладно, не дам!

Автомобиль Бада, наконец успокоившись, умолк.

Пол ехал по широкому чистому бульвару, пересекающему заводскую территорию, следя за мелькающими номерами домов. Маленький автобус, непрерывно сигналив, промчался в обратном направлении к главным воротам. Он забавно вилял по пустой улице, а его пассажиры приветливо махали Полу. Он взглянул на часы. Это закончила работу вторая смена. Пола раздражало, что ради нормальной работы завода ему приходилось поддерживать щенячье веселье этих юнцов. Предосторожности ради он снова заверил себя, что, когда он, Финнерти и Шеферд приступали к работе на Заводах Илиум тринадцать лет назад, они были более зрелыми, менее

самоуверенными и уж наверняка были лишены этого чувства принадлежности к избранной касте.

Кое-кто, в том числе и прославленный отец Пола, поговаривал в старые дни о том, что инженеры, управляющие и ученые составляют якобы элиту нации. И когда неизбежность войны стала уже очевидной, было решено, что сведущие люди Америки – это единственное, что можно противопоставить предполагаемому численному превосходству армий противника. Вот тогда и пошли разговоры о постройке более глубоких и надежных убежищ для сведущих людей и о необходимости избавить сливки общества от участия в сражениях на передовой. Однако лишь немногие приняли близко к сердцу идею сохранения элиты. Когда Пол, Финнерти и Шеферд окончили колледж в самом начале войны, они, как тыловики, избавленные от отправки на фронт, чувствовали себя довольно глупо – как бы обойденными по сравнению с теми, кто туда попал. Однако теперь, когда все эти рассуждения об элите, эта уверенность в своем превосходстве, это чувство правомерности иерархии, возглавляемой управляющими и инженерами, вдальбливаются в головы выпускников всех колледжей, об этом теперь никто не задумывается.

Пол почувствовал себя лучше, войдя в здание 58, длинное узкое строение, вытянувшееся на четыре квартала. Пол испытывал к нему странную привязанность. Ему не раз советовали снести северную часть здания, но ему удалось убедить Штаб не делать этого. Северная часть здания была самым старым строением на всем заводе, и Пол сохранил его ради исторического интереса, который оно представляло для посетителей, как он объяснил Штабу. Но, честно говоря, он не признавал и не любил посетителей и сохранил северную часть здания 58 для себя. Поначалу это был машинный цех, основанный Эдисоном в 1886 году, в том самом году, когда он открыл еще один такой же цех в Скенектади. Посещение его служило лучшим лекарством для Пола в периоды подавленного настроения. Такие встречи казались ему неким вотумом доверия со стороны прошлого – прошлое как бы признавало свою убогость, и человек, перенесясь из этого прошлого в настоящее, мог сразу определить, что человечество за это время проделало большой путь. А такого рода подтверждения время от времени были необходимы Полу.

Он упрямо повторял себе, что дела сейчас идут и в самом деле лучше, чем когда бы то ни было. Раз и навсегда после кровавой военной бойни мир наконец избавился от своих неестественных страхов – массового голода, массового лишения свободы, массового издевательства и массового убийства. Говоря объективно, сведущие люди и законы мирового развития наконец получили свой долгожданный шанс превратить землю в приятную и приемлемую для всех обитель, где спокойно, в трудах можно дожидаться Судного дня.

Иногда Пол страстно желал, чтобы его в свое время все-таки отправили на фронт, где он услышал бы грохот и шум, увидел раненых и убитых, а возможно, даже и получил бы пару шрапнельных пулевых ранений в ногу. Возможно, тогда методом сравнения он смог бы убедиться в том, что казалось столь очевидным другим, а именно, что все, что он делает сейчас, сделал и еще сделает в качестве управляющего и инженера, жизненно необходимо, а отнюдь не достойно сожаления, и что он на самом деле помогает установлению золотого века на земле. Но за последнее время система и организация его работы то и дело возбуждали в нем чувство беспокойства, раздражения и тошноты.

Он стоял в старой части здания 58, заполненного сейчас сварочными машинами и комплексом машин, наматывающих изоляцию. Он чувствовал себя спокойнее, глядя на грубо отделанные деревянные стропила с древними следами обработки под обсыпавшейся известкой и на темные кирпичные стены, достаточно мягкие для того, чтобы люди – бог знает сколько лет назад – могли вырезать на них свои инициалы: «КТМ», «ДГ», «ГП», «БДХ», «ХВ», «ННС». Пол на минутку представил себе – он часто любил это делать при посещении здания 58, – что он Эдисон, стоящий в дверях одинокого кирпичного здания на берегу Ирокеза, а дующий снаружи

ветер с верховьев хлещет по кустам ракитника. На стропилах все еще оставались следы того, что Эдисон сделал из этого одинокого кирпичного сарая: дыры от болтов указывали места, где когда-то были верхние блоки, передававшие энергию целому лесу приводных ремней, а пол из толстых деревянных брусьев был еще черен от масла и выщерблен станинами грубых машин, приводившихся в движение этими ремнями.

На стене в кабинете Пола висела картина, изображающая этот цех таким, каким он был в самом начале. Все рабочие, в большинстве своем набранные с окрестных ферм, стояли плечом к плечу среди неуклюжих машин перед фотографом, почти свирепые от гордости и важности, странные в своих жестких воротничках и котелках. Фотограф, привыкший, по всей вероятности, снимать спортивные команды или религиозные братства, придал им на фотографии дух тех и других в соответствии с требованиями того времени. На каждом лице было написано сознание физической силы и одновременно с этим гордости от принадлежности к тайному ордену, стоящему вне и над остальным обществом, и причастности к важному и увлекательному обряду, о смысле которого непосвященные могут только строить догадки, и притом догадки ложные. Немаловажно и то обстоятельство, что гордость за эту причастность светилась в глазах уборщиков ничуть не в меньшей степени, чем в глазах машинистов и инспекторов или даже их начальника – единственного среди них без корзиночки с завтраком.

Послышался звук зуммера, и Пол сошел с осевой линии, уступая дорогу механическому уборщику, погромыживающему по рельсам. Машина вздымала своими вертящимися щетками облако пыли и тут же засасывала это облако с жадным чавканьем. Кошка, сидевшая на руках у Пола, вцепилась когтями в его костюм и зашипела на машину.

Пол вдруг почувствовал щемящую резь в глазах и сообразил, что смотрит на сияние и брызги сварочных машин незащищенными глазами. Он нацепил черные стекла поверх своих очков и сквозь антисептический аромат озона зашагал к группе токарных станков номер три в центре здания, в новой его части.

Он приостановился у последней группы сварочных машин, и ему вдруг захотелось, чтобы Эдисон оказался рядом и увидел бы все это. Старик наверняка был бы очарован. Две стальные пластины были сняты со штабеля, затем их прокатали по лотку и перехватили механическими лапами, которые бросили их под сварочную машину. Головки сварочных аппаратов опустились, выбросили снопы искр и снова поднялись. Целая батарея электрических глаз тщательно обследовала соединения двух пластин и послала в комнату Катарины данные о том, что в пятой группе сварочных машин здания 58 все в порядке. А сваренные пластины теперь уже по другому лотку покатались в челюсти прессовальной группы в подвале. Каждые семнадцать секунд каждая из двенадцати машин в группе завершала свой цикл.

При взгляде в глубь здания 58 Полу показалось, что это огромный гимнастический зал, в котором различные группы спортсменов отрабатывают различные упражнения: маховые движения, прыжки, приседания, броски, покачивания... Эту сторону новой эры Пол любил: машины сами по себе были увлекательными и приятными существами.

По пути он открыл коробку контрольного механизма группы сварочных машин и увидел, что они установлены на эту операцию еще на три дня. После этого их автоматически выключат до того времени, пока Пол не получит новых указаний из Штаба и не передаст их доктору Лоусону Шеферду – своему помощнику, который отвечает за здания от номера 53 до 71 включительно. Шеферд сегодня нездоров; поправившись, он установит контрольные приборы на выпуск новой партии задних стенок для холодильников – на столько, сколько этих задних стенок, по мнению ЭПИКАК – счетной машины в Карлсбадских пещерах, – в состоянии использовать экономиста.

Поглаживая встревоженную кошку своими длинными тонкими пальцами, Пол с безразличием подумал о том, на самом ли деле Шеферд сегодня болен. Скорее всего нет. Похоже,

что он сейчас встречается с важными людьми, пытаясь получить перевод – освобождение из-под власти Пола.

Шеферд, Пол и Финнерти еще зелеными юнцами приехали на Заводы Илиума. Финнерти теперь переведен в Вашингтон и ворочает более крупными делами; Пол получил самую высокую должность в Илиуме; а Шеферд, надутый и чванливый, и все-таки отличный работник, считал себя униженным и обойденным, когда его назначили в помощники Полу. Перемещения по службе были в руках более высокой инстанции, и Пол молил Бога, чтобы Шеферда повысили.

Он подошел к третьей группе токарных станков, которая и была причиной неполадок. Пол уже давно, но безуспешно ходатайствовал о списании этой группы на лом. Токарные станки были устаревшего типа и рассчитаны на обслуживание людьми. Во время войны их наспех приспособили к новым техническим требованиям. Точность они уже теряли и, как показывал счетчик в кабинете Катарины, теперь отказывали уже и в количественном отношении. Пол готов был побиться об заклад, что они сейчас давали до десяти процентов брака, обычного при обслуживании человеком, да еще с присущими тем временам горами отходов.

Пять рядов по двести станков в каждом, одновременно вгрызаясь резцами в заготовки из стали, выбрасывали готовые детали на непрерывную ленту конвейера, останавливались на время, необходимое для закрепления в зажимах новых заготовок, зажимали их и, опять вгрызаясь резцами в заготовки, выбрасывали готовые детали.

Пол открыл ящик, в котором хранилась лента с записями операций, управлявшая всеми этими станками. Лента была не чем иным, как маленькой петелькой, которая непрерывно бегала по магнитным снимателям. В свое время на ней были записаны все движения токаря, обрабатывающего валы для мотора в одну лошадиную силу. Пол попытался подсчитать, сколько же лет тому назад это происходило – одиннадцать? двенадцать? Нет, тринадцать лет назад именно он, Пол, и производил эту запись работы токаря, обрабатывающего валы...

Еще не успели просохнуть чернила на их докторских дипломах, как он с Финнерти и Шефердом был направлен в механический цех для производства таких записей. Начальник цеха указал им своего лучшего работника – как же было его имя? – и, подшучивая над озадаченным токарем, трое способных молодых людей подключили записывающий аппарат к рычагам токарного станка. Гертц! – вот как звали этого токаря. Руди Гертц, человек старого уклада, которого вот-вот должны были отправить на пенсию. Сейчас Пол вспомнил и его имя, и то почтение, с которым старик относился к талантливым молодым людям.

По окончании работы они упростили начальника цеха отпустить с ними Руди и с показным и эксцентричным демократизмом людей «от станка» пригласили Руди в пивную напротив завода. Руди не очень разобрался, зачем понадобились им все эти записи, но то, что он понял, ему понравилось: ведь именно его выбрали из тысяч других токарей, чтобы обессмертить его движения, записав их на магнитную ленту.

И вот сейчас эта маленькая петелька ферромагнитной ленты лежит в ящике перед глазами Пола, воплощение работы Руди, того самого Руди, который в тот вечер включал ток, устанавливал количество оборотов, присматривал за работой резца. В этом только и заключалась сущность Руди с точки зрения самой машины, с точки зрения экономики, с точки зрения военных усилий. Ферромагнитная лента была сутью, квинтэссенцией, выделенной из этого маленького вежливого человека с широкими ладонями и с трауром под ногтями; из человека, который полагал, что мир может быть спасен, если каждый будет ежедневно читать на ночь Библию; из человека, который за отсутствием собственных ребят обожал колли; из человека, который... Что же еще говорил Руди в тот день? Полу пришло на ум, что человек этот сейчас, вероятно, уже умер или же, впад в детство, доживает свои дни в Усадьбе.

А теперь, включив на распределительном щитке токарные станки и передавая им сигналы с ленты, Пол может заставить эту «квинтэссенцию Руди» обрабатывать один, десять, сто или тысячу валов.

Он захлопнул дверцу ящика. Лента была явно в порядке, это же можно было сказать и о снимателях. Собственно говоря, все было в полном порядке, насколько это можно было требовать от таких древних машин. Просто они начинали уже отказывать, и это было вполне понятно. Вся эта группа была скорее музейным экспонатом, где уж тут добиваться производственной мощности. Даже ящик и тот был архаичен – громоздкий, толстыми болтами прикрепленный к полу, со стальной дверцей и замком. Во времена бунтов, сразу же после войны, ленты стали запирать подобным образом. Сейчас, когда законы против саботажа применялись со всей строгостью, единственная защита, которая требовалась контрольным приспособлениям, была защита от пыли, тараканов и мышей.

Еще раз остановившись в дверях старой части корпуса, Пол вслушивался в музыку здания 58. Уже многие годы в голове его бродила идея пригласить композитора, чтобы тот попытался сделать что-нибудь из этих ритмов – возможно, «Сюиту здания 58». Это была дикая, варварская музыка, с возбужденным ритмом, то подключающимся, то выпадающим из фазы, с калейдоскопом звуков. Пол попытался выделить и определить отдельные темы. Вот! Токарная группа, тенора: «Фуррауа-уа-уа-ак! Тинг! Фуррауа-уа-уа...» Сварочные машины, баритоны: «Вааааа-зюzip! Вааааа-зюzip!» А затем вступает басовая партия прессов, усиленная подвалом в качестве резонатора: «Овгрупп! Тонка-тонка. Овгрупп! Тонка-тонка...» Это была упоительная музыка, и Пол, покраснев от смущения, заслушался ею, забыв о всех своих неприятностях.

В сторонке, почти вне поля его зрения, он уголком глаза заметил бешеное вращательное движение и с удовольствием обернулся, чтобы поглядеть на красочный хоровод машин, накладывающих разноцветную изоляцию на черную змею кабеля. Тысячи маленьких танцоров вертелись с невероятной скоростью, делая пируэты, сходясь и расходясь, безошибочно строя плотную сеть вокруг кабеля. Пол улыбнулся этим волшебным машинам и отвел глаза, чтобы не закружилась голова. В прежние дни, когда за машинами приглядывали женщины, некоторых из наиболее простодушных иной раз заставляли на их рабочих местах уже после окончания рабочего дня – зачарованных этой игрой красок.

Взгляд Пола упал на несимметричное сердце, вырезанное на старых кирпичах с буквами «К.Л. – М.У.» в центре и датой «1931». Эти К.Л. и М.У. понравились друг другу в тот самый год, когда умер Эдисон. Пол опять подумал, как здорово было бы провести старика по зданию 58, и вдруг понял, что большинство этих станков показалось бы старьем даже Эдисону. Оплоточные машины, сварочные машины, прессы, токарные станки и конвейерные ленты – все, что было перед его глазами, существовало здесь уже и во времена Эдисона. Основные части автоматического управления – тоже, а что касается электрических глаз и других элементов, которые вели себя лучше, чем некогда это могли делать люди, – все это было известно в научных кругах даже еще в двадцатые годы. Единственное, что здесь было новым, – это комбинация всех этих элементов. Пол решил запомнить эту мысль, чтобы привести ее в докладе сегодня вечером в Кантри-Клубе.

Кошка опять выгнула спину дугой и вцепилась в костюм Пола. По осевой линии к ним снова подбирался механический уборщик. Он включил свой предупреждающий зуммер, и Пол уступил ему дорогу. Кошка зашипела, фыркнула, неожиданно полоснула когтями по руке Пола и прыгнула. На напряженно вытянутых лапах она двинулась навстречу уборщику. Ревущие, вспыхивающие, кружащие и орущие машины заставляли ее держаться самой середины прохода в нескольких ярдах от шипящих щеток уборщика. Пол в отчаянии оглядывался в поисках выключателя, останавливающего механизм уборщика, но, прежде чем он отыскал его, кошка приняла бой. Она встретила наступление уборщика, обнажив острые зубы, а дрожащий кончик ее вытянутого хвоста угрожающе покачивался взад и вперед. Сварочная вспышка загорелась

в нескольких дюймах от ее глаз, уборщик подцепил кошку и швырнул ее, орущую и царапающуюся, в гальванизированное жестяное брюхо.

Запыхавшись после пробежки длиною в четверть мили вдоль всего здания, Пол перехватил уборщика как раз тогда, когда тот достиг мусоровывода. Уборщик раскрылся и выплюнул кошку вниз по мусоровыводу в стоящий снаружи грузовик. Когда Пол выбежал из здания, кошка взобралась уже на борт грузовика, шлепнулась на землю и в отчаянии понеслась к проволочному ограждению.

– Нет, киска, не смей! – крикнул Пол.

Кошка наткнулась на сигнальную проволоку, протянутую вдоль забора, и у здания сторожки взвыла сирена. Секунду спустя кошка коснулась электрического провода, протянутого по верху забора. Раздался треск, вспыхнула зеленая вспышка, и кошку швырнуло высоко вверх над проводами. Она упала на асфальт, мертвая и дымящаяся, но зато по другую сторону забора.

Броневи́к с нервозно поворачивающейся из стороны в сторону башенкой, вооруженной пулеметами, остановился как вкопанный у маленького тела. С лязгом отворился люк башни, и заводской охранник осторожно высунул голову.

– Все в порядке, сэр?

– Выключите сирены. Ничего страшного, просто кошка залезла на забор. – Пол присел и приглядывался к кошке сквозь ячейки забора, страшно огорченный. – Возьмите кошку и доставьте ее в мой кабинет.

– Простите, сэр?

– Кошку – я хочу, чтобы ее доставили ко мне в кабинет.

– Так она же дохлая, сэр.

– Вы слышали, что я сказал?

– Слушаюсь, сэр.

Мрачное настроение опять вернулось к Полу, когда он сел в машину перед зданием 58. И не было ничего, что способно было бы отвлечь его внимание, ничего – только асфальт, уходящие вдаль фасады пронумерованных домов да холодные завитки облаков на клочке голубого неба. Нечто живое Пол обнаружил только в узком ущелье между зданиями 57 и 59, в ущелье, которое выходило на берег реки, откуда открывался вид на серые веранды домов в Усадьбе. На верхней веранде в кресле-качалке сидел старик, греясь в скудных солнечных лучах. Через перила перевесился мальчик и, бросив вниз бумажку, следил за ее ленивым полетом к берегу реки. Малыш оторвал взгляд от бумаги и встретился глазами с Полом. Старик прекратил свое раскачивание и тоже уставился на чудо – живое существо на территории Заводов Илиума.

Когда Пол проходил мимо стола Катарины Финч, она протянула его отпечатанную речь.

– Очень хорошо, – сказала она, – особенно то место, где вы говорите о Второй Промышленной Революции.

– А, все это старье.

– А мне это показалось очень свежим – я имею в виду то место, где вы говорите, что Первая Промышленная Революция обесценила мышечный труд, а вторая – обесценила рутинную умственную работу. Я была просто в восхищении.

– Норберт Винер, математик, все это сказал уже в сороковых годах. Вам это кажется свежим только потому, что вы слишком молоды и знаете только то, что происходит сейчас.

– Действительно, кажется просто ужасным, что все когда-то было иначе, не правда ли? Разве не смешно было собирать людей в определенное место и держать их там целый день только для того, чтобы воспользоваться их мыслями. А потом – перерыв, и опять мышление, и опять перерыв, да так просто невозможно мыслить.

– Очень неэкономно, – подтвердил Пол, – и очень ненадежно. Можете представить себе горы брака... И что за адская была работенка управлять всем этим. Похмелья, семейные дразги, недовольство начальством, долги, война – все человеческие несчастья так или иначе

отражались на выпуске продукции. – Он улыбнулся. – Счастливые события тоже. Помню, когда мы предоставляли отпуска, особенно на Рождество, тут уж ничего нельзя было придумать – просто приходилось считаться с фактами. Количество всякого рода огрехов начинало повышаться с пятого декабря и росло до самого Рождества, затем праздники, после которых брак страшно возрастал, потом следовал Новый год с новым повышением брака, и только потом, примерно к пятнадцатому января, дела постепенно входили в норму – а норма эта тоже была довольно низкой. Нам приходилось учитывать подобные явления даже при установлении цен на товары.

– Как вы считаете, будет ли еще и Третья Промышленная Революция?

Пол остановился в дверях своего кабинета.

– Третья? А как вы ее себе представляете?

– Я не очень представляю ее себе. Но ведь первая и вторая в свое время тоже казались невообразимыми.

– С точки зрения людей, которых должны были заменить машины, вполне возможно. Говорите, третья? В известной степени она, как мне кажется, уже идет какое-то время, если вы имеете в виду думающие машины. Это, по-моему, и будет третьей революцией – машины заменят человеческое мышление. Кое-какие из крупных счетно-решающих машин, ЭПИКАК, например, в некоторых областях уже справляются с этим и сейчас.

– Угу, – задумчиво сказала Катарина. Она грызла карандаш. – Сначала мускульная сила, потом служащие, а потом, возможно, и подлинный умственный труд.

– Я думаю, что не дотяну до этого последнего шага. Кстати, если уже речь зашла о промышленных революциях, где Бад?

– Прибыл груз, и ему пришлось отправиться к себе. А это он оставил для вас. – И она протянула Полу мятый счет из прачечной на имя Бада.

Пол перевернул квитанцию и, как он и ожидал, увидел на оборотной ее стороне схему определителя мышей и сигнальной системы, которая могла прекрасно сработать.

– Поразительный ум, Катарина.

Она неуверенно кивнула в знак согласия.

Пол затворил дверь, тихонько запер ее и достал бутылку из-под бумаг в нижнем ящике стола. На мгновение у него перехватило дух от горячей волны, прокатившейся по всему телу после глотка виски. С увлажнившимися глазами он спрятал бутылку на место.

– Доктор Протеус, ваша жена у телефона, – сказала Катарина по интеркому.

– Протеус слушает. – Он начал было садиться, как вдруг наткнулся на маленькую картонную коробку с мертвой черной кошкой на своем кресле.

– Дорогой, это я, Анита.

– Хелло, хелло, хелло. – Он осторожно поставил коробку на пол и опустился в кресло. – Как ты себя чувствуешь, дорогая? – бездумно спросил он. Его мысли были все еще заняты кошкой.

– Все ли подготовлено, чтобы сегодняшняя вечер удался? – Театральное контральто звучало самоуверенно и страстно: говорит владетельная сеньора Илиума.

– Весь день промучился над этой речью.

– Значит, это будет великолепная речь, дорогой. Ты все-таки получишь Питсбург, у меня на этот счет, Пол, нет ни малейших сомнений. Пусть только Кронер и Бэйер услышат тебя сегодня вечером.

– Кронер и Бэйер приняли приглашение, да? – Это были управляющий и главный инженер всего Восточного района. Заводы Илиума составляли только маленькую его частицу. И именно Кронер, Бэйер будут решать, кому предоставить самый важный пост в их районе – вакантное место управляющего Заводами Питсбурга, освободившееся ввиду смерти прежнего управляющего. – Веселенький же будет вечер!

– Ну что ж, если это тебе не нравится, то у меня есть известие, которое тебя, несомненно, обрадует. Там будет еще один необычный гость.

– Ух ты!

– И тебе придется съездить в Усадьбу, чтобы добыть для него ирландское виски. В клубе не держат этого сорта.

– Финнерти! Эд Финнерти!

– Да, Финнерти. Он звонил сегодня и очень настаивал, чтобы ты добыл для него ирландское виски. Проездом из Вашингтона в Чикаго он остановится здесь.

– Сколько же это прошло лет, Анита? Пять, шесть?

– Ровно столько, сколько прошло с того момента, как ты был назначен управляющим. Вот сколько.

Ее ликование по поводу приезда Финнерти раздражало Пола. Он-то прекрасно знал – Финнерти она не любит. Ее радостная болтовня вызвана была отнюдь не любовью к Финнерти, а просто ей было очень приятно разыгрывать дружеские чувства, которых у нее не было и в помине. А кроме того, после отъезда из Илиума Эд Финнерти стал влиятельной фигурой, членом Национального Бюро Промышленного Планирования, и этот факт, вне всякого сомнения, затушевывал в ее памяти воспоминания о столкновениях с Финнерти в прошлом.

– Да, Анита, это действительно приятная новость. Просто чудесно. Полностью компенсирует Кронера и Бэйера.

– А теперь, я надеюсь, с ними ты тоже будешь очень мил.

– О, еще бы. Питсбург, вот где собака зарыта.

– Пообещай, что не будешь злиться, если я дам тебе хороший совет?

– Не буду.

– Ладно, я все равно скажу... Эми Холпкорн сегодня утром передала, что она слышала кое-что относительно тебя и Питсбурга. Ее муж был сегодня с Кронером, и Кронер говорил, что у него сложилось впечатление, будто ты не хочешь ехать в Питсбург.

– Ну, как же я ему еще должен говорить об этом, на эсперанто, что ли? На приличном английском языке я по любому поводу повторял ему не меньше дюжины раз, что хочу получить эту работу.

– По-видимому, у Кронера не сложилось впечатления, что тебе по-настоящему этого хочется. Ты слишком скромен и деликатен, милый.

– Ну что ж, значит, этот Кронер уж очень хитер.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Я хочу сказать, что он лучше меня разобрался в моих чувствах.

– Ты хочешь сказать, что ты и вправду не хочешь этой работы в Питсбурге?

– Я не очень уверен в этом. Возможно, он догадался обо всем раньше меня.

– Ты утомлен, дорогой.

– По-видимому.

– Тебе нужно выпить. Приходи домой пораньше.

– Хорошо.

– Я люблю тебя, Пол.

– Я люблю тебя, Анита. До свиданья.

Механику супружеской жизни Анита усвоила назубок и разработала ее до мельчайших деталей. И если даже подход ее был излишне рационален и систематизирован, она с похвальным старанием восполняла это теплотой, и Пол мог только догадываться, что чувства ее поверхностны. Возможно, что это подозрение было началом болезни.

Когда он повесил трубку, голова его была опущена и глаза закрыты. Открыв глаза, он убедился, что смотрит надохлую кошку в коробке.

– Катарина!

– Да, сэр.

– Велите кому-нибудь зарыть эту кошку.

– Мы тут гадали, что вы собираетесь с ней делать.

– Бог его знает, что я собирался. – Он поглядел на маленький трупик и покачал головой. – Бог его знает. Возможно, устроить похороны по христианскому обряду, а может, я думал, что она придет в себя. Во всяком случае, избавьтесь как-нибудь от нее, хорошо?

Перед уходом он остановился у стола Катарины и сказал, чтобы она не беспокоилась по поводу горящего рубиновым светом сигнала в седьмом ряду снизу в пятой колонке слева на восточной стене.

– Тут ничем не поможешь, – пояснил он. – Третья группа токарных станков в здании 58 была хороша в свое время, но теперь она изнасилась и становится обузой в четком и хорошо налаженном производстве, где не должно быть места неполадкам и ошибкам. Собственно, она была предназначена вовсе не для той работы, которую ей приходится выполнять сейчас. Я жду, что в любой день раздастся звук зуммера, и это уже будет конец.

На каждом из измерительных приборов, помимо счетчика и предупреждающей о неполадках лампочки, был еще и зуммер. Сигнал зуммера оповещал о том, что система окончательно вышла из строя.

II

Шах Братпура, духовный владыка шести миллионов членов секты колхаури, сморщенный, мудрый и темный, как какао, весь в золотом шитье и созвездиях переливающихся драгоценных камней, глубоко утопал в голубых подушках лимузина, как бесценная брошь в шелковом футляре.

По другую сторону заднего сиденья в лимузине сидел доктор Юинг Дж. Хольярд из госдепартамента Соединенных Штатов – тяжеловатый, напыщенный, изысканный джентльмен лет сорока. У него были светлые висячие усы, цветная рубашка, бутоньерка и жилет, выгодно контрастирующий с темным костюмом, и все это он носил с такой уверенностью в себе, что ни у кого не возникало ни малейших сомнений в том, что Хольярд только что покинул очень достойную компанию, где все одеваются именно так. А по правде говоря, так одевался один только доктор Хольярд. И это отлично сходило ему с рук.

Между ними сидел Хашдрахр Миазма, переводчик и племянник шаха, который выучился английскому языку у гувернера, но никогда до этого не покидал шахского дворца. Это был нервный улыбающийся молодой человек, как бы постоянно извиняющийся за свой недостаточный вес или блеск.

– Хабу? – сказал шах высоким болезненным голосом.

Хольярд пробыл в обществе шаха уже целых три дня и мог без помощи Хашдрахра понимать пять выражений шаха. «Хабу» означало «где». «Сики» означало «что». «Акка сан» означало «почему». «Брахоус брахоуна, хоуна саки» было комбинацией благословений и благодарностей, а «Сумклиш» был священный напиток колхаури, который Хашдрахр держал в походной фляжке специально для шаха.

Шах покинул свою военную и духовную твердыню в горах, чтобы посмотреть, чему он может научиться на благо своему народу у этой могущественнейшей нации мира. Доктор Хольярд играл при нем роль гида и хозяина.

– Хабу? – повторил шах, вглядываясь в город.

– Шах желает, пожалуйста, узнать, где мы сейчас находимся, – сказал Хашдрахр.

– Знаю, – сказал Хольярд, самодовольно улыбаясь. Эти «хабу», «сики» и «акка сан» следовали одно за другим с такой частотой, что у него уже голова шла кругом. Он наклонился к шаху.

– Это Илиум штата Нью-Йорк, ваше высочество. Мы сейчас пересечем реку Ирокез, которая разделяет город на две части. На противоположном берегу реки – Заводы Илиума.

Лимузин остановился у въезда на мост, где большая рабочая команда заделывала маленькую выбоину. Команда расступилась, давая дорогу старому «Плимуту» с разбитой фарой, направлявшемуся с северного берега реки. Лимузин переждал, пока проедет «Плимут», и двинулся вперед.

Шах обернулся и поглядел на рабочих команды сквозь заднее стекло, а затем произнес длинную фразу.

Доктор Хольярд улыбнулся и согласно закивал, ожидая перевода.

– Шах, – сказал Хашдрахр, – он, пожалуйста, хочет знать, кому принадлежат эти рабы, которых мы все время встречаем на пути от самого города Нью-Йорка.

– Это не рабы, – сказал Хольярд, покровительственно усмехнувшись. – Это граждане, состоящие на государственной службе. Они имеют те же права, что и остальные граждане, – свободу слова, свободу вероисповедания и право голоса. До войны они работали на Заводах Илиума, управляя машинами, но теперь машины присматривают за собой сами и делают это лучше.

– Ага! – сказал шах, после того как Хашдрахр перевел.

– При автоматическом контроле меньше затрат, намного выше производительность и дешевле продукция.

– Ага!

– А любой человек, который не в состоянии обеспечивать себе средства на жизнь, выполняющая работу лучше, чем это делают машины, поступает на государственную службу в армию или в корпус Ремонта и Реставрации.

– Ага! Хабу бонанза-пак?

– Э-э-э?..

– Он говорит: откуда берутся деньги, чтобы платить им? – сказал Хашдрахр.

– О, с налогов, которыми облагаются машины, и с налогов на частные прибыли. А затем заработки людей, состоящих в Армии и в Корпусе Ремонта и Реставрации, опять же тем или иным путем поступают в систему, а это снова приводит к увеличению производства товаров и улучшению жизни.

– Ага!

Доктор Холъярд, человек долга с весьма смутными представлениями об объеме своих собственных расходов, продолжал объяснять шаху преимущества Америки, хотя и знал, что очень немногое из этих объяснений доходит до его собеседника. Он объяснил шаху, что особенно заметны успехи в чисто индустриальных районах вроде Илиума, где большинство населения зарабатывало в свое время на жизнь, так или иначе обслуживая машины. А вот в Нью-Йорке, например, было очень много профессий, которые трудно или неэкономично механизировать, и поэтому там прогресс не успел освободить от непроизводительного труда столь обширный контингент населения.

– Куппо! – сказал шах, понимая, как качнув головой.

Хашдрахр вспыхнул и неохотно, с извиняющимися интонациями перевел:

– Шах говорит: «Коммунизм».

– Не «куппо», – с возмущением возразил Холъярд. – У нас государство не владеет машинами. Оно просто облагает налогом часть прибыли с промышленности, а затем отчисляет и распределяет ту часть ее, которая раньше шла на заработную плату. Промышленность у нас находится в частном владении, управляется частными лицами и координируется – во избежание излишней конкуренции – комитетом руководителей частной промышленности, а не политиками. Устранив при помощи механизации неизбежные при использовании человеческого труда ошибки, а при помощи организации – излишнюю конкуренцию, мы колоссально повысили уровень жизни среднего человека.

Переводя, Хашдрахр запнулся и растерянно нахмурился.

– Пожалуйста, этот «средний человек»... в нашем языке, я опасаясь, ему нет должного эквивалента.

– Ну, понимаете, – сказал Холъярд, – обыкновенный человек, как, скажем, первый встречный – или эти люди, что работают на мосту, или человек в старой машине, который только что проехал. Маленький, ничем не выдающийся, но добрый и простой человек, обычный, которого можно встретить каждый день.

Хашдрахр перевел.

– Ага, – сказал шах, удовлетворенно кивая, – такару.

– Что он сказал?

– Такару, – сказал Хашдрахр, – раб.

– Не такару, – сказал Холъярд, обращаясь уже непосредственно к шаху, – граж-да-нин.

– Аа-а-а-а, – сказал шах. – Граж-да-нин. – Он радостно усмехнулся. – Такару-гражданин.

Гражданин-такару.

– Да не такару же! – сказал Холъярд.

Хашдрахр пожал плечами.

– В стране шаха имеются только элита и такару.

У Хольярда опять начался приступ язвы, – язвы, которая разрослась и обострилась за годы его деятельности в качестве гида, объясняющего прелести Америки провинциальным и темным магнатам, прибывающим сюда с задворок цивилизованного мира.

Лимузин опять остановился, и шофер принялся сигналить команде Корпуса Реконструкции и Ремонта. Те, побросав свои тачки на проезжей части, швыряли камнями в белку, которая притаилась на ветке футах в ста над землей.

Хольярд приспустил стекло.

– Уберите же, наконец, эти чертовы тачки с дороги! – крикнул он.

– Гражданин, – пропищал шах, скромно улыбаясь вновь приобретенным познаниям в чужом языке.

– Готова! – выкрикнул один из швырявших камни.

Он неохотно и со злостью подошел к дороге и очень медленно оттащил две тачки, внимательно приглядываясь к машине. А затем стал в сторонке.

– Спасибо! Давно пора! – сказал Хольярд, и лимузин медленно проплыл мимо человека с тачкой.

– Милости прошу, доктор, – сказал человек и плюнул Хольярду в лицо.

Хольярд что-то пролопотал, мужественно сохраняя достоинство, и отер лицо.

– Нетипичный случай, – с горечью сказал он.

– Такару яму броуха, пу динка бу, – сочувственно отозвался шах.

– Шах, – мрачно перевел Хашдрахр, – говорит, что так обстоят дела с такару повсюду после войны.

– Не такару... – начал было Хольярд, но остановился.

– Сумклиш, – вздохнул шах.

Хашдрахр протянул ему фляжку со священным напитком.

III

Доктор Пол Протеус, человек с самым высоким доходом во всем Илиуме, направляясь через мост в Усадьбу, сидел за рулем своего старенького дешевого «Плимута». Машина эта сохранилась у него еще со времени бунтов. В отделении для перчаток среди старого ненужного хлама, вместе со спичечными коробками, удостоверением о регистрации машины, фонариком и бумажными салфетками для лица валялся старый, покрытый ржавчиной пистолет, который был ему выдан тоже еще тогда. Теперь же хранение пистолета считалось противозаконным. Даже военные чины вынуждены были обходиться без огнестрельного оружия, пока их не высаживали на берег для несения оккупационной службы в заморских территориях. Здесь же вооружены были только полиция и заводская охрана. Пистолет был Полу ни к чему, но он все как-то забывал его сдать. А с годами, по мере того как пистолет покрывался налетом ржавчины, Пол начал относиться к нему как к безобидной древности. Отделение для перчаток не запиралось, поэтому Пол прятал пистолет под тряпками.

Мотор работал с перебоями, то затихая, то опять набирая скорость. Другие машины Пола – новый автомобиль с откидным верхом и очень дорогой седан – оставались дома, предоставленные, по его словам, в полное распоряжение Аниты. Ни одна из этих хороших машин никогда не бывала в Усадьбе. Анита не корила его этой привязанностью к старой машине, хотя, по-видимому, считала необходимым найти какие-то объяснения этому для других. Ему случалось слышать, как Анита говорила гостям, что Пол сам переделал машину и теперь она значительно лучше всего того, что сходит с автоматических конвейеров в Детройте, – и это отнюдь не соответствовало истине. Нелогичным выглядело и то, что человек, владея такой выдающейся машиной, все откладывал и откладывал починку разбитой левой передней фары. И еще Полу было любопытно, какие оправдания она нашла бы тому факту, будь он ей известен, что в багажнике у него лежит кожаная куртка и что он снимает галстук и надевает куртку вместо пиджака каждый раз перед тем, как пересечь Ирокез. Такие путешествия он проделывал только в случае крайней необходимости, ради того, например, чтобы добыть бутылку ирландского виски для одного из тех немногих людей, которых считал близкими друзьями.

Пол остановился в конце моста, примыкающего к Усадьбе. Около сорока человек, опираясь на ломы, кирки и лопаты, загораживали дорогу. Они, покуривая, неторопливо обменивались замечаниями, сгрудившись вокруг чего-то посреди мостовой. С некоторым смущением они оглянулись на машину Пола и медленно – точно в мире только и было, что свободное время, – отступили к обочинам моста, оставив узкий проезд, по которому лишь с трудом мог протиснуться автомобиль Пола. Когда они расступились, Пол наконец понял, в чем дело. Человек маленького роста стоял на коленях над выбоиной примерно двух футов в диаметре и лопатой заравнивал заплату из асфальта и гравия.

Человек тот с важностью махнул рукой Полу, чтобы тот поосторожней объезжал и, не дай Бог, не наехал на заплату.

– Эй, друг, твоя передняя фара накрылась! – выкрикнул один из стоявших. Остальные присоединились к нему, хором повторяя сказанное.

Пол с благодарностью кивнул, а сам вдруг почувствовал, что у него зудит вся кожа, будто его в чем-то вываляли. Эти люди состояли в Корпусе Реконструкции и Ремонта, в КРРах, как они сами его называли. Эти люди не выдержали экономического соревнования с машинами, и, поскольку у них не было иных источников существования, они вынуждены были выбирать либо Армию, либо КРР. Солдаты, пустота существования которых была хотя бы прикрыта блестящими пуговицами и пряжками, ворсистой саржей и лакированной кожей, не действовали на Пола столь угнетающе, как крррахи.

Он медленно проехал между шеренгами рабочей команды, мимо черного правительственного лимузина и въехал в Усадьбу.

Салун находился рядом с мостом. Полу пришлось поставить машину за полквартала от него, потому что здесь еще одна команда была занята промывкой сточных труб при помощи пожарного брандспойта. Это, по-видимому, было здесь любимым занятием. Каждый раз, когда Полу случалось бывать в Усадьбе, он заставлял брандспойт за работой, если температура на улице была хотя бы на один градус выше нуля.

Человек огромного роста держал руки на гаечном ключе, регулирующем подачу воды. Второй стоял рядом и следил за струей. Вокруг них и вдоль всего потока до самого жерла сточной трубы толпились и следили за ними люди. Перепачканный малыш схватил плывший вдоль тротуара обрывок бумаги, смастерил из него неуклюжую лодочку и пустил ее по воде. Глаза всех с интересом уставились на суденышко, как бы желая ему удачи, пока оно шло по быстрым, застревало на мелях, сползало с них, а затем, выбравшись из стремнины, мужественно взгромоздилось на гребень и, победоносно постояв там какое-то мгновение, нырнуло в горловину сточной трубы.

– Ух! – вырвалось у стоявшего рядом с Полом человека. Можно было подумать, что он сам находился на борту этой бумажной лодки.

Пол протиснулся сквозь толпу, сплошь состоявшую из посетителей салуна. Теперь от стойки бара его отделял один только ряд людей. Прямо за его спиной было старое механическое пианино. Пока что Пола, кажется, никто не узнал. Да и странно было бы, если бы его здесь узнали, потому что в соответствии с проводимой политикой он чаще всего держался своей стороны реки и никогда не допускал, чтобы его имя или портрет появлялись в илиумской «Стар Трибюн».

Подле стойки расположились старики пенсионеры, слишком уже старые для Армии и КРР. Перед каждым из них стояло пиво, уже без шапки пены, в стаканах, стекло которых потускнело от многочасового задумчивого потягивания. По всей видимости, старики эти появлялись здесь рано и уходили поздно, поэтому обслуживание всех остальных посетителей производилось через их головы. На экране телевизора, стоявшего в другом конце бара, крупная дебелая женщина, голос которой был отключен поворотом регулятора, сияла улыбкой, возбужденно шевелила губами и разбивала яйца в смесителе. Старики следили за ней, изредка поправляя зубные протезы или облизывая губы.

– Простите, – машинально произнес Пол.

Никто не шевельнулся, чтобы пропустить его к стойке. Толстая облезлая шотландская овчарка, свернувшаяся под стулом одного из загораживающих проход стариков, ощерила беззубые десны и раскатиисто заворчала.

Пол помахал рукой, тщетно пытаясь привлечь внимание бармена. Переминаясь с ноги на ногу, он вспомнил полностью механизированный салун, проект которого он совместно с Финнерти и Шефердом сделал в то время, когда они были юными и энергичными инженерами. К их изумлению, владелец ресторанной сети настолько заинтересовался их идеей, что решил испытать ее на практике. Экспериментальная установка была сооружена через пять дверей от того места, где Пол сейчас находился. Там были машины, принимающие монеты, непрерывные ленты обслуживания, специальные лампы, очищающие воздух, равномерное, полезное для здоровья освещение, постоянно звучащая мягкая музыка в грамзаписях, стулья, конструкция сидений у которых была научно разработана антропологами с таким расчетом, чтобы обеспечить для среднего человека максимум удобств.

Первый день был сенсацией – очередь в салун растянулась на несколько кварталов. Но через неделю после его открытия любопытство было удовлетворено и торговлю считали оживленной, если в баре побывает за день пяток посетителей. Почти рядом открылся салун, вот этот самый бар в викторианском стиле – настоящая ловушка для пыли и микробов, с пло-

хим освещением, слабой вентиляцией, с нечистоплотным, медлительным и, вполне возможно, нечистым на руку барменом. И все же успех бара был мгновенным и очевидным.

Полу наконец удалось обратить на себя внимание бармена. Заметив Пола, тот сразу же отбросил роль высокопоставленного хранителя морали и миротворца, превратившись в подбострастного хозяина заведения, очень похожего на бармена из Кантри-Клуба. На какое-то мгновение Пол даже испугался, что его узнали. Но поскольку бармен не назвал его по имени, он решил, что тот просто определил его ранг.

В Усадьбе проживало небольшое число людей вроде этого бармена – полицейских, пожарных, профессиональных спортсменов, шоферов, особо одаренных ремесленников, которые так и не были заменены машинами. Живя среди крпахов, они, однако, держались особняком и зачастую грубо и высокомерно относились к общей массе. Они считали, что могут быть в известной мере на равной ноге с инженерами и управляющими по ту сторону реки – чувство, которое в данном случае никак нельзя было признать взаимным. По ту сторону реки полагали, что людей этих не заменили машинами вовсе не из-за их блестящих способностей, а потому, что пока ставить на их место машины было нерентабельно. Короче говоря, их чувство превосходства было неоправданным.

И вот теперь, когда бармен учуял, что Пол является важной персоной, он не отказал себе в удовольствии всем своим видом показать, что, пока он будет обслуживать Пола, остальные могут катиться ко всем чертям. Остальные заметили это и, обернувшись, уставились на привилегированного пришельца.

Пол потихоньку заказал бутылку ирландского виски и, стараясь не привлекать внимания, нагнулся и погладил старую овчарку. Собака залаяла, и хозяин ее повернул стул так, что оказался лицом к лицу с Полом. Старик был такой же беззубый, как и его собака. Полу прежде всего бросились в глаза его красные десны и огромные черные руки, все остальное у него было тусклым и как бы вылинявшим.

– Он никого не трогает, – произнес старик извиняющимся тоном. – Просто немного не в себе от старости и слепоты и никогда не знает, что к чему. – Он провел своими большими ладонями по толстым бокам собаки. – Старый, добрый пес.

Он задумчиво приглядывался к Полу.

– Послушай! А ведь я готов держать пари, что мы знакомы.

Пол нетерпеливо оглянулся на подвал, куда спустился бармен за виски.

– Да? Я захаживал сюда разок-другой.

– Нет, это было не здесь. Это было на заводе. Вы молодой доктор Протеус, – громко произнес старик.

Его слова слышали многие, и те, что были поближе, замолчали, стараясь не пропустить ни слова из их разговора. Их пристальное внимание раздражало Пола.

Старик, очевидно, был совершенно глух, и поэтому голос его без видимой причины то подымался до крика, то был едва слышен.

– Что, доктор, меня и узнать нельзя?

Старик не паясничал. Просто он был страшно рад и гордился тем, что перед всем честным народом может поговорить с таким выдающимся человеком.

Пол покраснел.

– Что-то никак не припомню. Старый сварочный цех, да?

Старик огорченно провел рукой по лицу.

– Хх-ма, от прежнего меня ничего-то и не осталось, теперь меня и лучший друг не признал бы, – сказал он незлобиво и вытянул свои руки ладонями вверх. – А вы гляньте-ка сюда, доктор. Они-то по-прежнему хороши, и другой такой пары не сыскать на всем белом свете. Это ведь вы сами так сказали.

– Гертц, – произнес Пол. – Вы Руди Гертц.

Руди удовлетворенно засмеялся и гордо обвел взглядом салун, как бы говоря: «Видите, Руди Гертц действительно знает доктора Протеуса и, клянусь Богом, доктор Протеус тоже знает старого Гертца! Кто еще из вас мог бы этим похвастать?»

– И это тот самый пес, о котором вы мне рассказывали десять, нет, – пятнадцать лет назад?

– Это его сын, доктор. – Старик усмехнулся. – Да и я в то время уже не был щенком, не правда ли?

– Вы были чертовски хорошим токарем, Руди.

– Я и сам так говорю. Знать это самому, да еще знать, что о Руди так отзывается такой человек, как вы, – это много значит. Это, собственно говоря, все, что у меня осталось, понимаете, доктор? Это да еще вот пес.

Руди обменялся рукопожатием с сидящим рядом с ним человеком – грузным коротышкой средних лет с мягкими чертами круглого, незапоминающегося лица. Глаза его увеличивали и затемняли необычайно толстые стекла очков.

– Слышал, что сейчас сказал обо мне доктор Протеус? – спросил старик, ткнув пальцем в Пола. – Это сказал о Руди самый ловкий человек во всем Илиуме. А может быть, да, очень может быть, – и во всей стране.

Пол молил Бога, чтобы бармен поскорей вернулся. Человек, с которым Руди обменялся рукопожатием, теперь угрюмо, изучающе уставился на Пола. Пол быстро obeжал глазами помещение и не встретил ни одного дружелюбного взгляда.

Руди Гертц по простоте душевной считал, что, демонстрируя его толпе, он чуть ли не услугу оказывает Полу. Старческий ум Руди хранил в памяти только то время, когда он, Руди, был еще в силе. События, которые произошли после ухода Руди на пенсию, не оставили следа в его сознании...

Но эти остальные, все эти люди, которым сейчас было по тридцать, по сорок, по пятьдесят лет, – они-то знали. Юнцы в кабинах, оба солдата и три их девушки – они были вроде Катарины Финч. Они не помнили того времени, когда все было иначе, и едва ли могли представить себе, как тогда было, хотя и теперешнее положение дел им не нравилось. Но эти, постарше, которые глядели на Пола сейчас, они-то помнили. Это они были повстанцами, разрушителями машин. В их взглядах не таилась угроза, скорее в них было негодование, желание дать ему понять, что он вторгся туда, где ему не место.

А бармен все не возвращался. Пол ограничил свое поле зрения одним Руди, игнорируя остальных. Человек с толстыми стеклами очков, от которого Руди ждал восхищения Полом, продолжал пристально его разглядывать.

Пол безнадежно нес чепуху о собаке, о том, как Руди прекрасно сохранился, отчетливо сознавая, что эта фальшивая игра докажет всем, если у кого и были на этот счет какие-либо сомнения, что он на самом деле двуличный болван.

– Давайте выпьем за старое времечко! – сказал Руди, подымая свой стакан. Он как будто и не заметил, что ответом ему было молчание и что выпил он в полном одиночестве. Прищелкнув языком и сладко зажмурившись, он лихо осушил стакан и грохнул его о стойку.

Пол с застывшей на лице вымученной улыбкой решил ничего больше не говорить, поскольку любое сказанное им слово было бы здесь неуместно. Он скрестил руки и оперся на клавиатуру механического пианино, что-то мурлыча про себя.

– Давайте выпьем за наших сыновей, – неожиданно предложил человек в толстых очках. У него оказался очень высокий голос, неожиданный для человека с такой грузной комплекцией. На этот раз поднялось несколько стаканов. Когда они были выпиты, человек повернулся к Полу и, улыбаясь самым дружелюбным образом, сказал: – Моему мальчику как раз исполнилось восемнадцать, доктор.

– Это прекрасно!

– У него вся жизнь впереди. Восемнадцать – это чудесный возраст. – Незнакомец сделал паузу, как будто его утверждение требовало ответа.

– Я хотел бы, чтобы мне опять было восемнадцать, – вяло отозвался Пол.

– Он хороший парнишка, доктор. Особых талантов у него, правда, нет. Он как и его старик: сердце у него на нужном месте, и он старается вовсю. – И опять выжидающая пауза.

– Только этого и следует ожидать от любого из нас, – сказал Пол.

– Ну что ж, поскольку такой просвещенный человек, как вы, оказался здесь, то я хотел бы посоветоваться с вами насчет мальчика. Он как раз прошел Главную Национальную Классификационную Проверку. Чуть не угробил себя, готовясь к ней. И все зря. Оказался непригодным даже для обучения в колледже. Было только двадцать семь мест, а попасть хотело шестисот ребят. – Коротышка пожал плечами. – У меня нет средств отправить его в частную школу, и вот теперь нужно решать, что ему делать. Куда ему податься, доктор, в Армию или КРР?

– Трудно сказать, – неуверенно начал Пол. – Я, честно говоря, не очень в этом разбираюсь. Возможно, кто-нибудь, вроде Мэтисона, мог бы... – Он запнулся на половине фразы. Мэтисон был в Илиуме заведующим отделом испытаний и комплектования личного состава. Пол знал его очень поверхностно и недолюбливал. Мэтисон был могущественным бюрократом и относился к своей должности как к священнодействию. – Если хотите, я позвоню Мэтисону, узнаю у него и передам вам, что он скажет.

– Доктор, – сказал человек с отчаянием и без малейшей тени насмешки, – не найдется ли чего-нибудь для мальчика у вас на заводах? У него золотые руки, у него просто какое-то чутье на машины. Дайте ему любую машину, какой он и в глаза не видал, и он в десять минут разберет ее и соберет обратно. Он любит такую работу. Нет ли у вас местечка на заводе?

– Там нужно иметь аттестат об окончании школы, – сказал Пол. Он покраснел. – Таков закон, и не я его придумал. Иногда мы приглашаем КРР помочь нам установить большие станки или сделать грубую ремонтную работу, но это бывает не часто. А может, ему открыть свою ремонтную мастерскую?

Человек вздохнул и сразу как-то сник.

– Ремонтная мастерская, – вздохнул он. – Он говорит, ремонтная мастерская. Сколько, по-вашему, ремонтных мастерских может продержаться в Илиуме, а? Конечно, ремонтная мастерская! Я тоже хотел открыть ее, когда меня вышибли. И Джой, и Сэм, и Альф. У нас у всех искусные руки, вот мы все и откроем ремонтные мастерские. По одному специалисту на каждую сломанную вещь в Илиуме. А тем временем наши жены смогут пристроиться в качестве портних – по одной портнихе на каждую женщину в городе.

Руди Гертц, по-видимому, прослушал весь этот разговор, все еще переживая радостную встречу со своим великим и добрым другом, доктором Полом Протеусом.

– Музыку, – величественно потребовал он. – Давайте послушаем музыку.

Он протянул руку через плечо Пола и бросил монетку в механическое пианино.

Пол отодвинулся от ящика. Механизм важно проскрипел, после чего пианино начало отзванивать, как разбитая колокольня, «Регтайм Бэнд Александер». Слава Богу, разговаривать теперь стало совершенно невозможно. Слава Богу, бармен появился из подвала и протянул Полу запыленную бутылку.

Пол повернулся было, чтобы уйти, но чья-то могучая рука ухватила его повыше локтя. Это был Руди, разыгрывавший роль гостеприимного хозяина.

– Я заказал эту песню в вашу честь, доктор! – прокричал Руди, перекрывая шум пианино. – Подождите, пока она кончится.

Руди вел себя так, как будто этот старинный инструмент был новейшим чудом, и восхищенно указывал на опускающиеся и подымающиеся клавиши в октавах, ведущих основную мелодию, и медленные, ритмичные движения клавиш в басовом ключе.

– Глядите, глядите, как они опускаются и поднимаются, доктор! Как будто кто-то по ним колотит.

Музыка резко оборвалась, как бы выдав точно отмеренную порцию радости, полагающуюся за пять центов. Руди продолжал кричать:

– Чувствуешь себя даже как-то неловко, не правда ли, доктор, когда смотришь, как они опускаются и встают? Прямо так и видишь призрак, который вкладывает в игру всю душу.

Пол вырвался и заторопился к машине.

IV

– Милый, у тебя такой вид, будто ты только что увидел привидение, – сказала Анита. Она была разодета и как бы уже царила в избранном обществе Кантри-Клуба, к которому ей только еще предстояло присоединиться.

Когда она передавала Полу коктейль, он чувствовал себя каким-то неуместным чинушей рядом с ее красивой самоуверенностью, на ум приходило только то, что могло доставить ей удовольствие или представлять для нее интерес, – все остальное исчезало. Это не было сознательным актом, скорее рефлексом на ее присутствие. Автоматизм собственных чувств раздражал Пола, он представлял себе, как поступил бы на его месте отец, и понимал, что уж отец-то справился бы здесь наилучшим образом, отведя себе независимую, решающую и первостепенную роль.

Когда Пол оглядел Аниту поверх бокала, ему пришло на ум выражение «вооружена до зубов». В строгом темном платье, оставляющем открытыми загорелые плечи и шею, с единственным драгоценным камнем на пальце, чуть-чуть подкрашенная, Анита удачно совмещала в себе комбинацию секса, вкуса и многоопытности.

Но Анита затихла и отвернулась под его взглядом. Оказывается, он неумышленно взял верх. Каким-то образом он передал ей свою мысль, которая вдруг всплыла в общем потоке его мыслей: ее сила и манеры – это лишь зеркальное отражение его собственной важности, отображение его мощи и самодовольства, которые должны быть присущи руководителю Заводов Илиума. На какое-то мгновение она вдруг показалась ему беспомощной, запуганной девчонкой, и сейчас он даже способен был испытывать по отношению к ней настоящую нежность.

– Отличное пойло, милая, – сказал он. – Финнерти наверху?

– Я отправила его в клуб. Кронер и Бэйер прибыли туда рано, и я послала Финнерти составить им компанию, пока ты оденешься.

– Как он выглядит?

– А как обычно выглядит Финнерти? Ужасно. Готова поклясться, что он все в том же мешковатом костюме, в котором прощался здесь с нами семь лет назад. И костюм этот с тех пор даже не побывал в чистке. Я попыталась заставить его надеть твой старый смокинг, но он даже и слушать не пожелал. Отправился, в чем был. И действительно – крахмальная рубашка только ухудшила бы дело. Она показала бы всем и каждому, до чего грязна у него шея.

Анита спустила было свое декольте чуть пониже, поглядела на себя в зеркало, но опять чуть-чуть приподняла его – это был как бы деликатный компромисс с ее стороны.

– Честное слово, – сказала она, обращаясь к отражению Пола в зеркале, – я без ума от этого человека – ты ведь и сам это знаешь. Но он просто ужасно выглядит. Я и говорю – подумать только: человек с его положением и вдруг плюет на чистоплотность!

Пол улыбнулся и кивнул. Это было действительно так. Финнерти всегда был ужасно неряшлив в отношении одежды, и некоторые наиболее привередливые из школьных надзирателей в те давние времена с трудом могли поверить, что у человека со столь антисанитарным видом могут быть столь потрясающие познания. Время от времени этот высокий и мрачный ирландец вдруг поражал всех (обычно это бывало в антракте между двумя длительными, напряженными работами): он показывался со свежевыбритыми щеками, блестящими, как два восковых яблока, в новых ботинках, носках, рубашке, галстук и костюме, а возможно, даже и в новом белье. Жены инженеров и управляющих подымали вокруг него страшную суматоху, доказывая, что подобная забота о себе очень важна и окупается; в конце концов они объявляли, что он действительно первый красавец во всем илиумском индустриальном районе. Вполне возможно, что он и в самом деле был таким красавцем в какой-то своей вульгарной и хмельной манере: карикатурно красивый, вроде Авраама Линкольна, но с хищным, вызывающим выра-

жением глаз вместо тихой грусти Линкольна. Со временем дамы со все возрастающим огорчением начинали следить за тем, как этот праздничный наряд он продолжает таскать и в хвост и в гриву, пока постепенно пыль, сажа и машинное масло не заполняли каждую его складку и пору.

Были у Финнерти и другие непривлекательные стороны. В невыразительное, похожее на группу бойскаутов младшего возраста общество инженеров и управляющих Финнерти имел обыкновение приводить женщин, подобранных им всего каких-нибудь полчаса назад в Усадьбе. И когда после обеда наступало время, предназначенное для игр, Финнерти и его девушка брали по вместительному бокалу коктейля в каждую руку и, если было тепло, отправлялись на окруженную кустарником площадку для гольфа, а если холодно – в его машину...

Его машина – по крайней мере в те давно прошедшие времена – была еще более непрезентабельной, чем теперешний автомобиль Пола. По крайней мере в этом самом невинном в социальном смысле направлении Пол подражал своему другу. Финнерти утверждал, что его любовь к книгам, пластинкам и хорошему виски не оставляет ему достаточно средств, чтобы приобретать автомобили или наряды, которые соответствовали бы занимаемому им положению. Но Пол при помощи счетной машины подсчитал стоимость книг, пластинок и коллекции бутылок у Финнерти и пришел к выводу, что у него должно оставаться столько, что этого с избытком хватило бы даже на две новые машины. Именно тогда у Пола зародилось подозрение, что тот образ жизни, который вел Финнерти, был не настолько бездумен, как это могло показаться; что на деле это было намеренный и точно рассчитанный вызов инженерам и управляющим Илиума и их безупречным женам.

Пол не понимал, почему Финнерти считал необходимым оскорблять всех этих милых людей. Он полагал, что его агрессивность, как и всякая агрессивность вообще, была вызвана какими-то недоразумениями в детстве. Знакомство с некоторыми подробностями этого детства Пол почерпнул, однако, не от Финнерти, а от Кронера: тот с пристальным вниманием следил за чистотой породы своих инженеров. Кронер однажды сочувственно и под большим секретом заметил Полу, что Финнерти – мутант, рожденный бедными и глупыми родителями. Только однажды Финнерти разрешил Полу заглянуть себе в душу. Это было во время его страшного похмелья, в момент глубочайшей депрессии, когда Финнерти вдруг вздохнул и заявил, что никогда не чувствовал своей принадлежности к какому-либо кругу.

Пол задумался о своих глубоко скрытых порывах только тогда, когда вдруг уяснил себе, какое огромное удовольствие доставляли ему воспоминания об антиобщественных и сумбурных выходках Финнерти. Пол не мог отказать себе в удовольствии размышлять над тем, какое удовлетворение он испытал бы, если бы он, Пол... Но здесь он останавливал ход своих мыслей, как бы смутно чувствуя, что должно затем последовать...

Пол завидовал способности Финнерти быть кем ему только заблагорассудится и при этом блестяще справляться с любой задачей. Каковы бы ни были требования времени, Финнерти всегда оказался бы среди лучших. Если бы это был век музыки, Финнерти мог бы быть, и был в действительности, выдающимся пианистом, с таким же успехом он мог бы стать архитектором, врачом или писателем. С нечеловеческой интуицией Финнерти способен был вникнуть в основы не только инженерного искусства, но буквально любой сферы человеческой деятельности.

Пол подумал, что сам он мог быть только тем, кто он есть. Вновь наполняя бокал, он понял, что только к этому и способен был прийти – к этой комнате, к браку с Анитой.

Это была ужасная мысль – быть настолько влитым в механизм общества и истории, способным передвигаться только в одном плане и только по одной линии. Приезд Финнерти встревожил его, всколыхнул сомнения в том, что жизнь на самом деле должна идти именно таким порядком. Пол уже подумывал было обратиться к психиатру, чтобы тот сделал его послушным, примирившимся со всем и терпимым ко всему. Но теперь здесь был Финнерти, толкающий его совсем в другую сторону. Финнерти, по всей вероятности, разглядел в Поле что-то, чего

он не мог разглядеть в других, что-то, что ему понравилось, – возможно, бунтарскую жилку, о существовании которой Пол только теперь начал догадываться. Была же какая-то причина, почему Финнерти сделал Пола своим единственным другом.

– Вообще-то я предпочла бы, чтобы Финнерти выбрал для визита другой день, – сказала Анита. – А так возникает целый ряд проблем. Бэйер должен был сидеть слева от меня, Кронер – справа; а теперь, когда вдруг неожиданно врывается член Национального Бюро Промышленного Планирования, я уже и сама толком не знаю, кого куда усаживать. Эд Финнерти по своему положению стоит выше Кронера и Бэйера? – спросила она недоверчиво.

– Если хочешь, посмотри «Организационный справочник», – сказал Пол. – Я думаю, что НБПП стоит выше региональных деятелей, но это скорее мозговой трест, чем чиновный. Финнерти все равно. Он может усестись и за стол с прислугой.

– Если он хоть шаг сделает в сторону кухни, Бюро охраны здоровья упрячет его в тюрьму! – Анита натянуто улыбнулась. Было совершенно очевидно, что ей очень трудно сохранить спокойный тон, говоря о Финнерти, и делать вид, что ее забавляют его эксцентрические выходки. Она переменяла тему разговора.

– Расскажи о сегодняшнем дне.

– Ничего сегодня не было. Такой же день, как все остальные.

– Ты достал виски?

– Да. Ради этого мне пришлось перебираться на тот берег.

– Разве это было таким уж тяжким испытанием? – Анита никак не могла понять его нелюбви к поездкам в Усадьбу и поддразнивала его этим. – Неужто это было так трудно? – повторяла она таким тоном, будто он был ленивым маленьким мальчиком, которого уговаривали оказать небольшую услугу маме.

– Да, трудно.

– В самом деле? – поразилась она. – Надеюсь, тебе не грубили?

– Нет. Все были очень вежливы. Один из пенсионеров, знавший меня в старое время, устроил импровизированный вечер в мою честь.

– Ну что ж, недурно...

– Ты находишь? Его зовут Руди Гертц. – И, не вдаваясь в описание своих чувств, Пол рассказал ей, что произошло. И вдруг поймал себя на том, что пристально следит за нею.

– И это тебя расстроило? – Она рассмеялась. – Ну, знаешь, ты уж слишком чувствителен. Наговорил мне столько ужасов, а на самом деле ничего и не произошло.

– Они ненавидят меня.

– Они сами доказали, что любят тебя и восхищаются тобой. Чего ж тебе еще от них нужно?

– Этот человек в очках с толстыми стеклами доказал мне, что по моей вине жизнь его сына превращается в бессмыслицу.

– Ты преувеличиваешь. Неужели тебе доставляет удовольствие перевернуть все так, чтобы обязательно испытывать чувство вины? Если его сын не способен ни на что лучшее, чем Армия или КРР, в чем же твоя вина?

– Я не виноват, но если бы не было таких, как я, он стоял бы себе за станком на заводе...

– Он что – голодает?

– Конечно, нет. Кто сейчас голодает!

– У него есть жилье и теплые вещи. У него есть все, что он имел бы, если бы трудился в поте лица, кроя свой станок почем зря, совершая ошибки, бастуя каждый год, ведя борьбу с мастером, являясь на работу с похмелья.

– Права, права! Сдаюсь! – Пол поднял руки. – Конечно же, ты права. Просто в чертовское время мы живем. Идиотская задача иметь дело с людьми, которым следовало бы приспособ-

биться к новым идеям. А люди не приспосабливаются, в этом-то вся беда. Хотел бы я родиться через сто лет, когда уже все привыкнут к переменам.

– Ты устал. Надо будет сказать Кронеру, что тебе нужен месяц отдыха.

– Если понадобится, я и сам ему это скажу.

– Я совсем не собиралась читать тебе наставления, милый. Но ты ведь никогда ни о чем не попросишь.

– Если ты не возражаешь, со всеми просьбами обращаться буду я.

– Не возражаю. И обещаю вообще не возражать.

– Ты приготовила мои вещи?

– Они на кровати, – сказала Анита сухо. Она была уязвлена. – Смокинг, рубашка, носки, запонки и новый галстук.

– Новый галстук?

– «Дюбонне».

– «Дюбонне»! Господи помилуй!

– Кронер и Бэйер носят галстуки «Дюбонне».

– А мое нижнее белье такое же, как у них?

– Этого я не заметила.

– Я надеваю черный галстук.

– Вспомни, милый, Питсбург. Ты сказал, что хочешь туда.

– Надо же – «Дюбонне»! – Он зашагал по ступенькам, подымаясь в спальню и стаскивая по дороге пиджак и рубашку.

– Эд!

На кровати Аниты растянулся Финнерти.

– А, вот и ты, – сказал Финнерти. Он указал на смокинг, разложенный на постели Пола. –

А я решил, что это ты. И проговорил с ним полчаса.

– Анита сказала, что ты ушел в клуб.

– Анита вышибла меня в парадную дверь, а я вернулся сюда через черный ход.

– Я очень рад этому. Как дела?

– Хуже, чем всегда, но есть надежда.

– Чудесно, – сказал Пол, неуверенно улыбаясь. – Ты женился?

– Упаси Бог. Закрой дверь.

Пол закрыл.

– Как идет работа в Вашингтоне?

– Я ушел.

– Да? Метишь куда-нибудь еще повыше?

– Иначе не ушел бы.

– А куда?

– Никуда. Никакого места, никакой работы вообще.

– Что – мало платили, устал, или в чем еще дело?

– Мутит меня от всего этого, – медленно проговорил Финнерти. – Платят фантастические деньги, просто поразительно – платят как телезвезде с сорокадюймовым бюстом. Но когда я получил на этот год приглашение на Лужок, знаешь, Пол, что-то сломалось. Я понял, что я не смогу пробыть там еще одно лето. И тогда я огляделся вокруг и понял, что вообще не могу вынести этой системы. Я вышел, и вот я здесь.

Присланный Полу пригласительный билет на Лужок был заботливо выставлен Анитой на зеркале в приемной для обозрения всем и каждому. Лужок – плоский покрытый травой остров в устье реки Св. Лаврентия в бухте Чиппия, где самые выдающиеся и самые многообещающие личности из Восточного и Средне-Западного районов («Те, чье развитие в рамках организации еще не полностью завершено», – как сказано в «Справочнике») каждое лето проводят неделю

в оргиях морального усовершенствования – в атлетических командных соревнованиях, пении хоровых песен, с ракетами и фейерверками, заводя связи за бесплатным виски и сигарами; а также на спектаклях, поставленных профессиональными актерами, которые в приятной, но недвусмысленной форме разъясняют им природу хорошего поведения в рамках системы и контуры твердых решений, предназначенных для осуществления в грядущем году.

Финнерти вытащил из кармана смятую пачку сигарет и предложил одну Полу, согнув ее почти под прямым углом. Пол выпрямил ее чуть дрожащими пальцами.

– У тебя мандраж? – спросил Финнерти.

– Я главный докладчик на сегодняшнем вечере.

– О-о? – Финнерти был разочарован. – А по какому поводу доклад?

– В этот день тринадцать лет назад Заводы Илиума были переданы под начало Национального Промышленного Совета.

– Как и все остальные заводы страны.

– Илиумские чуть раньше, чем остальные.

Объединение всех производственных возможностей страны под контролем единого совета произошло вскоре после того, как Финнерти, Пол и Шеферд поступили на работу в Илиум. Сделали это, исходя из потребностей военного времени. Аналогичные советы были созданы на транспорте, в сырьевой и пищевой промышленности, в связи, и все эти советы были объединены под началом отца Пола. Система эта настолько сократила непроизводительные затраты и дублирование, что ее сохранили и после войны и приводили в качестве примера немногих выгод, полученных в результате войны.

– Разве все то, что произошло за эти тринадцать лет, сделало тебя счастливым?

– Во всяком случае, здесь есть о чем поговорить. Я хочу построить свое выступление исключительно на фактах. Оно не должно походить на евангельские проповеди Кронера.

Финнерти промолчал, явно не желая поддерживать разговор на эту тему.

– Забавно, – отозвался он наконец. – Я полагал, что ты должен был дойти до точки. Поэтому-то я и приехал.

Пол корчил гримасы, пытаясь застегнуть воротничок.

– Что ж, ты был недалек от истины. Уже шел разговор о том, что мне следует проконсультироваться у психиатра.

– Значит, ты уже доходишь до точки. Вот и прекрасно! Давай плюнем на этот паршивый вечер. Нам нужно поговорить.

Дверь спальни открылась, и Анита заглянула в комнату.

– О, Эд! А кто же с Бэйером и Кронером?

– Кронер с Бэйером, а Бэйер с Кронером, – ответил Финнерти. – Закрой, пожалуйста, дверь, Анита.

– Уже пора идти в клуб.

– Это тебе пора, – сказал Финнерти. – Мы с Полом придем попозже.

– Мы отправляемся вместе и немедленно, Эд. Мы уже и так опоздали на десять минут. И ты меня не запугивай, не выйдет.

Она неуверенно улыбнулась.

– Анита, – сказал Финнерти, – если ты не проявишь уважения к мужскому уединению, я сконструирую машину, у которой будет все, что есть у тебя, но которая будет относиться к твоему мужу с уважением.

Анита покраснела.

– Не скажу, чтобы я была в восторге от твоего остроумия.

– Нержавеющая сталь, – сказал Финнерти. – Нержавеющая сталь, обтянутая губчатой резиной и имеющая постоянную температуру 98,6 по Фаренгейту.

– Слушай... – начал было Пол.

– И краснеть она будет по приказу, – добавил Финнерти.

– А я могла бы сделать мужчину вроде тебя из мешка с грязью, – сказала Анита. – И каждый, кто попытался бы к тебе прикоснуться, уходил бы вымазанным! – Она хлопнула дверью, и Пол услышал, как по лестнице застучали ее каблучки.

– Ну, и на кой черт тебе это понадобилось? – спросил Пол. – Скажи на милость?

Финнерти неподвижно лежал на кровати, уставившись в потолок.

– Не знаю, – медленно проговорил он, – но я не раскаиваюсь. Ладно, уходи с ней.

– Какие у тебя планы?

– Уходи! – Он произнес это так, словно у него в сознании созрела важная и трудная идея.

– Ирландское виски в коричневом пакете в нижней гостиной, – сказал Пол и вышел, а Финнерти остался лежать на кровати.

V

Пол перехватил Аниту в гараже, где она пыталась завести машину с откидным верхом. Не глядя на него, она подождала, пока он усядется на сиденье рядом с ней. По дороге в клуб оба молчали. Настроение Пола испортилось из-за несправедливой грубости Финнерти. Он с горечью думал, что за эти годы разлуки он, по-видимому, сам создал образ мудрого и доброго Финнерти, который очень мало походил на живого человека.

В дверях клуба Анита поправила Полу галстук, спустила с голых плеч пелерину, улыбнулась и двинулась в ярко освещенное фойе.

Дальний конец фойе выходил в бар, и тут две дюжины выдающихся молодых людей Заводов Илиума, с абсолютно одинаковыми короткими стрижками, в абсолютно одинакового покроя смокингах, сгруппировались вокруг двух мужчин старше пятидесяти лет. Первый, Кронер, высокий, грузный и медлительный, прислушивался к молодежи с высокопарной показной любовью. Второй – Бэйер, легкий и нервный, шумно и необидительно многоречивый, смеялся, подталкивая их локтями, похлопывал их по плечу и на каждое замечание отзывался постоянно повторяющимся: «Отлично, отлично, правильно, конечно, конечно, великолепно, да, да, именно так, отлично, хорошо».

Илиум являлся местом, куда направляли еще не оперившихся новичков для приобретения практических навыков, перед тем как поручить им более ответственные дела. Штат сотрудников поэтому был молодым и постоянно обновляющимся. Самыми старшими здесь были Пол и его заместитель Лоусон Шеферд. Шеферд, холостяк, стоял сейчас у бара, немного в стороне от остальных, с видом умудренного опытом человека, забавляющегося наивными высказываниями молодежи.

Жены собрались в двух прилегающих залах и разговаривали тихо и неуверенно, оборачиваясь каждый раз, когда голоса мужчин подымались выше определенного уровня или же когда бас Кронера прорывался сквозь общий гул тремя-четырьмя короткими, мудрыми и глубокомысленными словами.

Юнцы обернулись в сторону Аниты и Пола, экспансивно приветствуя их с наигранным раболепием хозяев вечера, которые великодушно допускают к веселью и старших.

Бэйер помахал Аните и Полу рукой и приветствовал их своим высоким срывающимся голосом. Кронер почти незаметно кивнул и продолжал стоять совершенно неподвижно, не глядя на них, поджидая, пока они подойдут и когда можно будет обменяться приветствиями спокойно и с достоинством.

Огромная волосатая рука Кронера схватила руку Пола, и Пол помимо своей воли почувствовал себя покорным и любящим ребенком. Как будто он, Пол, опять стоял перед массивной, подавлявшей фигурой своего отца. Кронер, ближайший друг отца, всегда вызывал в нем это чувство и, по-видимому, сам к этому стремился. Пол уже тысячи раз клялся себе, что при следующей встрече с Кронером будет вести себя с достоинством. Но все происходило помимо его воли, и при каждой встрече, как и сейчас, сила и решительность были целиком в огромных руках друга отца.

Хотя Пол особенно чутко воспринимал излучаемые Кронером отеческие чувства, гигант стремился к тому, чтобы возбуждать подобные же чувства во всех окружающих. Он и говорил о себе как об отце всех своих подопечных и – несколько осторожнее – их жен; и это отнюдь не было позой. Осуществляемое им руководство Восточным районом несло на себе отпечаток именно этого отношения, и казалось невыносимым, чтобы он мог осуществлять его каким-либо иным способом. Кронер был в курсе всех рождений или серьезных заболеваний и винил себя в тех редких случаях, когда кто-либо из его подопечных сбивался с правильного пути. Он мог быть и суровым, но опять-таки суровым по-отечески.

– Как дела, Пол? – ласково осведомился он. Его вопросительно приподнятые брови свидетельствовали о том, что вопрос был не формальным. Да и тон был такой, каким Кронер пользовался, осведомляясь о здоровье человека, только что перенесшего воспаление легких или что-нибудь похуже.

– Как нельзя лучше, – быстро вмешалась Анита.

– Рад слышать. Это очень хорошо, Пол. – Не выпуская руки Пола из своей, он продолжал пристально глядеть ему в глаза.

– Хорошо себя чувствуешь, не так ли, а? Хорошо? Да? Хорошо? Ну, вот и отлично, – затараторил Бэйер, несколько раз похлопав Пола по плечу. – Отлично.

Бэйер, главный инженер Восточного района, обернулся к Аните.

– Вот это да! Вы посмотрите, как она выглядит. О да! Ну, знаете, скажу вам... – Он осклабился.

В обществе Бэйер был абсолютнейшим кретином, при этом не понимал, что он был кем угодно, но только не приятным и интересным собеседником. Однажды кто-то воспользовался его же репликами в разговоре с ним, а он так ничего и не понял. В техническом же смысле на всем Востоке не было лучшего инженера, включая самого Финнерти. В районе Бэйер руководил буквально всем. Сейчас – рядом с Кронером – он выглядел как фокстерьер рядом с сен-бернардом. Пол часто раздумывал над странным союзом Кронера и Бэйера и пришел к выводу, что в случае их ухода руководство едва ли смогло бы подыскать им замену. Бэйер был олицетворением знания и технического мастерства в промышленности; Кронер же был олицетворением веры и почти религиозного отношения к делу, его душой. Кронер, слабый в инженерном отношении и временами поражавший Пола своим невежеством или полным непониманием технических вопросов, обладал, однако, бесценным качеством – верой в систему, заставляя и других верить в нее и выполнять то, что им приказано.

Эта пара была неразлучной, хотя на первый взгляд у них не могло быть ни одной точки соприкосновения. Вместе они составляли как бы одного человека.

– Разве вам кто-нибудь сказал, что Пол болен? – со смехом спросила Анита.

– Я слышал, что Пола беспокоят нервы, – сказал Кронер.

– Это не так, – сказал Пол.

Кронер улыбнулся.

– Рад слышать это, Пол. Ты один из наших лучших людей. – Он окинул его довольным взглядом. – Шагай по стопам отца, Пол.

– А где это вы прослышали про его нервы? – спросила Анита.

– Не представляю себе, – сказал Кронер.

– Нам сказал доктор Шеферд, – с энтузиазмом вмешался Бэйер. – Я был при этом сегодня утром, помнишь? Это ведь был Шеферд?

– Послушай-ка, – произнес вдруг с необычной для себя поспешностью Кронер, – было и еще кое-что, о чем говорил Шеферд. Пораскинь мозгами, может, ты и это припомнишь.

– О, конечно, правильно, верно; еще что-то, еще что-то, – забормотал Бэйер; он был озадачен. Он опять похлопал Пола по плечу. – Так, значит, ты себя чувствуешь лучше, а? Вот это главное. Вот и чудесно, вот и чудесно.

Доктор Шеферд тихо отошел от стойки и направился к балконной двери, выходящей на площадку для гольфа. Его шея пунцово сияла над тугим воротничком.

– Кстати, – задушевым тоном осведомился Кронер, – где же наш друг Финнерти? Как выглядит Эд? Думаю, что жизнь в Вашингтоне показалась ему менее... – он запнулся, подыскивая нужное слово, – менее лишенной формальностей, чем здесь.

– Вы хотите спросить, моется ли он. Могу ответить: нет, – сказала Анита.

– Именно это я и хотел спросить, – сказал Кронер. – Ну что ж, все мы не лишены недостатков, а уж что касается достоинств, то мало у кого их хватает для того, чтобы занять место в Национальном Бюро Промышленного Планирования. Где же он?

– Финнерти, возможно, придет попозже, – сказал Пол. – Он немного устал с дороги.

– Ох, а где же Мама? – спросила Анита, чтобы переменить тему.

Мама была женой Кронера, которую он всегда водил на все светские вечера, усаживал с другими женами и не замечал вплоть до того трогательного момента, когда нужно было извлечь ее и доставить домой все сто восемьдесят фунтов живого веса.

– У нее неполадки с кишечным трактом, – печально произнес Кронер.

Все, до кого донеслось это известие, сочувственно покачали головами.

– Обед! – объявил официант-филиппинец. Одно время появились было сторонники обслуживания столов при помощи машин, но предложение максималистов было отвергнуто подавляющим большинством голосов.

Когда Пол, Кронер, Бэйер и Анита в сопровождении всех остальных входили в освещенную свечами столовую, четверо самых молодых инженеров из самого последнего пополнения обогнали их и, обернувшись, блокировали проход.

Фред Беррингер, низкорослый, плотный блондин с глазами-щелочками, был, по-видимому, у них за главного. Этот богатый, распушенный и глупый хлыщ происходил из хорошей семьи инженеров и управляющих в Миннеаполисе. Он с величайшим трудом пробрался сквозь научные дебри колледжа и каким-то чудом проскочил проверку аттестационных машин. В обычных условиях никто бы не принял его на работу. Однако Кронер, который знал его родословную, все же взял его, несмотря ни на что, и направил в Илиум для прохождения практики. Беррингера такое нарушение норм несколько не смутило. Он воспринял это как доказательство того, что имя и деньги всегда одержат верх над системой, и вел себя соответственно – плевал на все и вся. Самое неприятное во всем этом было то, что его наплевательское отношение снискало ему восхищение товарищей по работе, инженеров, которые получили свои должности благодаря усиленному труду.

Пол с огорчением подумал, что люди, разрушающие какую-либо систему, всегда вызывают восхищение у тех, кто покорно этой системе следует. Во всяком случае, Кронер продолжал верить в скрытые таланты Беррингера, и у Пола не оставалось иного выхода, как сохранять за ним его место, прикрепив к юнцу смышленного инженера.

– В чем дело, Фред, уж не собираетесь ли вы нас ограбить? – спросил Пол.

– Чемпион по шашкам, – торжественно обратился к нему Фред, – перед лицом всех присутствующих я заявляю, что вызываю вас на шашечный турнир сразу же после обеда.

Кронер и Бэйер были довольны. Они всегда утверждали, что следует формировать спортивные команды и устраивать соревнования для укрепления моральных основ в дружной семье Восточного района.

– Вы один или все четверо? – поинтересовался Пол. Он действительно был чемпионом по шашкам в клубе, хотя здесь никогда не проводился формальный розыгрыш первенства. Никто не мог его победить, и довольно часто ему приходилось доказывать непревзойденность своего мастерства каждой новой группе инженеров – вроде вот этих четверых. Это вошло в обычай, а маленькое замкнутое общество на северном берегу реки, казалось, испытывало необходимость в собственных обычаях, в понятных им одним шутках, в создании светских манер, которые отличали бы их – в их собственных глазах – от всего остального общества. Шашечный матч Пола против новых инженеров был одной из таких древнейших традиций, которая насчитывала уже седьмой год.

– Я один, – сказал Беррингер. – Но в какой-то мере и все мы.

Остальные посмеивались с заговорщицким видом. По-видимому, они припасли какой-то неожиданный трюк, и несколько инженеров старшего поколения с нетерпением ожидали возможности позабавиться за чужой счет.

– Ладно, – добродушно согласился Пол, – я все равно выиграю, если даже целый десяток таких, как вы, будет дымить мне в лицо сигарами.

Четверка расступилась, пропуская Пола с Анитой и двух почетных гостей к столу.

– Произошла ошибка, – сказала Анита, изучая карточки с именами гостей во главе стола. Она взяла карточку слева от себя, скомкала ее и передала Полу. На освободившееся место она передвинула другую карточку и уселась между Кронером и Бэйером, после чего подозвала официанта и велела ему убрать оказавшийся свободным прибор. Пол глянул на карточку, на ней стояла фамилия Финнерти.

За столом собрались люди практичные, не витающие в облаках, и они воздавали должное креветкам, консоме, курице под соусом, гороху и жареной картошке. Разговаривали мало, выказывая, чаще всего знаками и выражением лица, свое полнейшее одобрение кулинарным талантам хозяйки.

Время от времени Кронер одобрительно высказывался по поводу того или иного блюда; ему, как эхо, вторил Бэйер, а затем и остальные сидящие за столом удовлетворенно кивали. Был момент, когда на дальнем конце стола громким шепотом завязался спор между четверкой юнцов, вызвавших Пола на шашечный турнир. Когда глаза всех присутствующих обратились в их сторону, юнцы умолкли. Беррингер нахмурился и, начертив на салфетке какую-то диаграмму, перебросил ее остальной тройке. Один из них внес небольшую поправку и вернул салфетку. На лице Беррингера сначала отразилось понимание, а затем – восхищение. Он удовлетворенно кивнул и снова принялся за еду.

Пол пересчитал сидящих за столом – двадцать семь управляющих и инженеров с женами – полный состав штатных служащих Заводов Илиума, за исключением вечерней смены. Два места оставались свободными: пустой квадрат скатерти на предназначавшемся для Финнерти месте и нетронутый прибор Шеферда, который так и не вернулся с прогулки.

Финнерти, по всей вероятности, все еще продолжал лежать в их спальне, уставившись в потолок и, возможно, разговаривая сам с собой. А возможно, вскоре после их ухода он отправился в экспедицию по значным местам Усадьбы. Пол надеялся, что теперь они не встретятся, пожалуй, еще несколько лет. Блестящий либерал, иконоборец, свободомыслием которого он так восхищался в юности, оказался на редкость противным, отталкивающим типом. Его уход с работы, неоправданные нападки на Аниту, преклонение перед невротами – все это отпугнуло Пола. Отпугнуло и разочаровало. Пол ждал, что Финнерти сможет дать ему что-то – что именно, он и сам не знал, – что утолило бы его неясную, но болезненную потребность, которая, как Шеферд недавно сказал Кронеру, доводила его до психоза.

Полностью простив Шеферду его прегрешение, Пол теперь даже испытывал некоторую неловкость из-за того, что тот так расстроился, когда раскрылась его роль осведомителя. Пол встал.

– Куда ты, милый? – спросила Анита.

– За Шефердом.

– Он не говорил, что у тебя полный упадок сил, – сказал Бэйер.

Кронер поморщился, глядя на Бэйера.

– Он действительно не делал этого. Если хочешь, я сам схожу за ним. Я виноват, что заговорил на эту тему. Это не Шеферд, и бедняга...

– Я просто подумал, что это Шеферд, – вмешался Бэйер.

– Я нахожу, что это следует сделать мне, – сказал Пол.

– Я тоже пойду, – сказала Анита. В ее голосе прозвучали мстительные нотки.

– Нет, ты лучше не ходи.

Пол быстро зашагал вдоль бара и услышал, что она идет за ним.

– Я ни за что не упущу этого момента.

– Я здесь, и нечего будет упускать, – сказал Пол, – я просто скажу ему, что все в порядке и что я его понимаю. Я и в самом деле его понимаю.

– Он хочет заполучить этот пост в Питсбурге, Пол. Поэтому он и сказал Кронеру, что у тебя полный упадок сил. А теперь он притих, потому что боится потерять свое место. Сейчас он попляшет!

– Я вовсе не собираюсь выгонять его.

– Но ты сможешь поддержать его некоторое время в неизвестности, пусть понервничает. Поделом ему.

– Анита, прошу тебя, это касается только Шеферда и меня.

Теперь они стояли на дерне, устилающем дорожку для гольфа, затерянные в этом мире синих и черных тонов, в хрупком свете новорожденной луны. У первой площадки, широко расставив вытянутые ноги, сидел на скамейке Шеферд. Рядом с ним в одну линию выстроились три стакана с коктейлями.

– Шефи, – мягко окликнул его Пол.

– Хелло. – Это прозвучало без всякой интонации, никаких чувств за этим приветствием не скрывалось.

– Сматывайся! – шепотом приказал Пол Аните.

Она не двинулась с места, сжимая и разжимая руки.

– Суп остынет, – сказал Пол как можно более доброжелательно.

Он уселся на скамейку. Три выстроенные рядом стакана разделяли их.

– Мне ведь совершенно наплевать на то, сказал ты им, что я раскалываюсь, или нет.

Анита стояла в дюжине ярдов от них, ее силуэт обрисовывался на фоне балконной двери.

– А по мне, так пусть тебя хоть наизнанку выворачивает от злости, – сказал Шеферд. – Ладно, я им сказал. Ну и что? Можешь теперь меня выставить.

– Шефи, Богом клянусь, никто тебя не собирается выставлять.

Пол никогда не мог толком понять, как ему быть с Шефердом, он с трудом мог поверить в то, что кто-нибудь в самом деле мыслит так, как Шеферд. Когда Шеферд впервые приехал в Илиум, он объяснил Полу и Финнерти, что намерен с ними соревноваться. Смело ставя себя в смешное положение, он говорил о соревновании и перебирал с любым, кто только соглашался его слушать, различные острые моменты, когда смогли бы раскрыться способности его или кого-нибудь другого, моменты, на которые остальные смотрели как на обычную текучку, вещь незаметную и бессодержательную. Однако для Шеферда жизнь была площадкой для гольфа. С целыми сериями начал и окончаний, со строгим ведением счета набранных очков – для сравнения с другими партиями – после розыгрыша каждой лунки. Он постоянно огорчался или радовался победам или поражениям, которых никто, кроме него, не замечал, однако всегда со стоицизмом относился к правилам игры. Он не просил скидок, не давал скидок и не делал никакого различия между Полом, Финнерти или любым другим из своих коллег. Он был прекрасным инженером, скучным собеседником, упрямым хозяином своей судьбы, но никак не покровителем слабых.

Ерзая на скамейке, Пол попытался представить себя на месте Шеферда. Шеферд только что проиграл раунд и теперь с мрачным почтением к правилам соревнования хочет уплатить за проигрыш и перейти к следующему раунду, который он, как всегда, преисполнен решимости выиграть. Мир, в котором он живет, трудный мир, но ему не хотелось бы, чтобы он был иным. И один только Бог ведает почему.

– Хотел закрыть мне путь в Питсбург, так, что ли? – начал Пол.

– Считаю, что я больше подхожу для этого, – сказал Шеферд. – Но какая теперь разница? Я выбыл из игры.

– Ты проиграл.

– Я пытался выиграть и проиграл, – сказал Шеферд. – Это разные вещи. А теперь валяй, можешь меня вышвырнуть.

Лучшим способом уколоть Шеферда было отказаться от соревнования.

– Не знаю, – сказал Пол, – я думаю, что ты и в Питсбурге был бы на месте. Если хочешь, я напишу тебе рекомендацию.

– Пол! – сказала Анита.

– Иди обратно, Анита, – сказал Пол. – Мы тоже вернемся через минуту.

Аниту просто распирало от желания дать Шеферду именно то, что ему сейчас требовалось, – борьбу, возможность зацепиться за что-нибудь в качестве исходной точки для нового, как он это называет, цикла игры.

– Я прощаю тебя, – сказал Пол. – И хочу, чтобы ты продолжал помогать мне, как прежде, если только ты сам этого хочешь. Лучшего человека на твое место и не придумаешь.

– И ты будешь держать меня под ногтем, так ведь?

Пол мрачно усмехнулся.

– Нет. Все останется как было. Держать тебя под ногтем? Как мог ты...

– Если ты сам меня не выставляешь, то я хочу, чтобы меня перевели.

– Хорошо. Но ты сам знаешь – не я решаю вопрос о переводе. А сейчас пойдем в столовую. Пошли? – Вставая, он протянул руку Шеферду. Шеферд, не приняв ее, прошмыгнул мимо.

Анита остановила его.

– Если у вас имелись какие-то соображения относительно состояния здоровья моего мужа, то, по-видимому, вам следовало бы в первую очередь высказать их ему или его доктору, – язвительно заметила она.

– Ваш муж и его доктор уже целый месяц прекрасно знают то, что я сказал Кронеру и Бэйеру. Пол настолько вышел из формы, что ему нельзя доверить даже ножную швейную машинку, не говоря уж о Питсбурге. – Шеферд распалялся по мере того, как к нему возвращалась уверенность в себе, а возможно, надеясь на то, что его слова будут услышаны в столовой.

Пол взял их под руки и повел в бар на виду у всех собравшихся. Все вопросительно глядели в их сторону. Пол, Анита и Шеферд, улыбаясь, рука об руку, пересекли помещение бара и направились в столовую.

– Что, нездоровится? – любезно осведомился у Шеферда Кронер.

– Да, сэр. Думаю, что это из-за эскалопа, который я съел за ланчем.

Кронер сочувственно покивал головой и повернулся к официанту.

– Я полагаю, молочный гренок не повредит мальчику? – Кронер старался любой ценой сохранить гармонию в своей семье и подсказать попавшему в трудное положение выход из него. Пол понимал, что теперь на протяжении всего вечера Кронер будет поддерживать – как сейчас с этим молочным гренком – версию о мнимой болезни Шеферда.

После кофе и ликера Пол выступил с краткой речью о включении Заводов Илиума в общую систему, подчиненную Национальному Производственному Совету. Затем он перешел к более широкой теме, которую назвал Второй Технической Революцией. Он читал свою речь, следя за тем, чтобы через правильные интервалы отрывать глаза от бумаги. Это было, как он уже пояснил сегодня после обеда Катарине Финч, старье – доклад о прогрессе, об укреплении веры в то, что они делают сейчас, и в то, что ими уже сделано в области промышленности. Машины трудились на Америку намного лучше, чем это когда-нибудь удавалось самим американцам. Теперь производилось больше товаров для большего числа людей, и производились они с меньшими затратами, и кто осмелится сказать, что это не великолепно и не заслуживает благодарности?! Это обычно повторялось всеми, кому только приходилось выступать с речами.

Во время обсуждения Кронер поднял руку и попросил разрешить дополнить доклад.

– Мне просто хочется подчеркнуть то, что ты говоришь, Пол, мне хочется указать на одну любопытную деталь. Одна лошадиная сила равняется приблизительно двадцати двум человеческим, и притом хорошим человеческим силам. И если мы переведем лошадиные силы одного из крупнейших прокатных станков в силы человеческие, то окажется, что один только этот стан за час производит большую работу, чем все рабы Соединенных Штатов периода Гражданской войны на протяжении двадцати четырех часов.

Он блаженно улыбнулся. Кронер был краеугольным камнем, источником веры и гордости всего Восточного района.

– Это очень интересная цифра, – сказал Пол, пытаясь отыскать в рукописи место, на котором он остановился. – И это, конечно, прямо относится к Первой Промышленной Революции, когда машины обесценили ручной труд. Вторая Революция, та, которую мы с вами сейчас завершаем, не так легко поддается выражению в цифрах, как это можно сделать с сэкономленным трудом. Если бы здесь была какая-нибудь единица измерения, вроде лошадиных сил, в которой можно было бы выразить усталость и раздражение человека, занятого монотонным трудом, тогда, пожалуй... Но такой единицы измерения нет.

– Но можно измерить количество брака, это уж я вам точно говорю, – сказал Бэйер, – а также самые невероятные и глупейшие ошибки, которые только можно себе представить. Убытки, простои, липу! Это прекрасно можно выразить в долларах, в долларах, которые тратились на никуда не годную работу.

– Правильно, но я всегда рассматривал это с точки зрения самого рабочего. Две промышленные революции ликвидировали два вида каторжного труда, и мне хотелось бы найти выражение того, от чего избавила людей Вторая Революция.

– Я работаю как каторжник, – сказал Бэйер.

Все расхохотались.

– Я говорю о тех, по ту сторону реки, – сказал Пол.

– Они никогда не работали, – сказал Кронер.

И опять все расхохотались.

– И они размножаются, как кролики, – сказала Анита.

– Кто это здесь отпускает грязные шуточки по поводу размножения кроликов? – спросил появившийся в дверях Финнерти. Он слегка покачивался, дыхание у него было учащенным. Видимо, он все же отыскал свое виски. – Так кто же это? Когда маленькая крольчиха пришла в кладовку к кролику, а клерк...

Кронер моментально оказался на ногах.

– О Финнерти, как ты себя чувствуешь, мой мальчик? – Он подозвал официанта. – Ты как раз подоспел к кофе, мой мальчик, к большой чашке черного кофе. – Он наложил свою гигантскую лапу на Финнерти и направил его к только что освобожденному Анитой месту. Финнерти поднял со стола карточку сидящего рядом с ним инженера, покосился на нее, а затем и на инженера.

– А где же, черт побери, моя карточка?

– Дайте ему его карточку, ради всего святого, – сказала Анита.

Пол вытащил карточку из кармана, расправил ее и положил перед Финнерти. Финнерти удовлетворенно кивнул и погрузился в мрачное молчание.

– Мы как раз говорили о Второй Промышленной Революции, – сказал Кронер, как будто ничего не произошло. – Пол говорил о том, что нет единиц измерения, чтобы определить, какое количество каторжной работы она ликвидировала. Я считаю, что это можно выразить графически при помощи кривой.

– Но только не приход маленькой крольчихи в кладовку к кролику, – сказал Финнерти.

Его замечание игнорировали все, кто следил за объяснениями Кронера.

– Если мы пересчитаем количество рабочих часов, затрачиваемых человеком, на количество действующих вакуумных трубок, то увидим, что количество рабочих часов человека понижается, а количество трубок увеличивается.

– Подобно кроликам, – сказал Финнерти.

– Да, как вы правильно заметили, – улыбнулся Кронер, – подобно кроликам. Кстати, Пол, еще один интересный аспект, о котором тебе, возможно, говорил когда-нибудь твой отец, заключается он в том, что люди сначала не обращали особого внимания на то, что ты называешь Второй Промышленной Революцией, и это тянулось довольно долго. У всех в голове была атомная энергия, и все толковали о том, что иное использование атомной энергии должно перевернуть весь мир. Атомный век – вот на что все замахивались. Помнишь, Бэйер? А тем временем вакуумные трубки множились, как кролики.

– Соответственно возрастало и потребление наркотиков, алкоголизм, число самоубийств, – сказал Финнерти.

– Эд! – сказала Анита.

– Была война, – спокойно заметил Кронер. – Это случается после каждой войны.

– Порок, число разводов, преступность среди юношества – все это росло с ростом использования вакуумных трубок, – сказал Финнерти.

– Ну-ка, Эд, продолжай, – сказал Пол, – ты не сможешь доказать логической связи между этими факторами.

– Если между ними есть хоть какая-нибудь связь, то и это уже заставляет задуматься, – сказал Финнерти.

– Я уверен, что между ними нет связи, достаточной для того, чтобы нам заниматься этим здесь, – сурово сказал Кронер.

– Либо нет достаточного воображения, либо честности, – добавил Финнерти.

– Какая еще честность! О чем вы болтаете? – сказала Анита. Она нервно комкала свою салфетку. – Ну, так как – может, мы оставим это мрачное место и посмотрим на шашечный чемпионат?

Ответом ей были вздохи облегчения и одобрительные кивки всех сидевших за столом. С некоторым чувством сожаления Пол отложил в сторону окончание своего доклада. Все присутствующие, за исключением Финнерти, перешли в комнату для игр, где целая батарея торшеров окружала стол, на котором лежала шахматная доска, незапятнанно чистая и сияющая.

Оспаривающая первенство четверка рысцей пробралась вперед, наскоро провела совещание, и трое из них отправились в гардеробную. Четвертый, Фред Беррингер, уселся за доской, загадочно усмехаясь.

Пол занял место напротив него.

– Играем по крупной? – спросил он.

– По маленькой, по маленькой.

– Погодите-ка, Фред, вы ведь из Миннесоты, не правда ли? Не предстоит ли вам проиграть шашечную корону Миннесоты, Фред?

– К сожалению, мне предстоит выиграть всего лишь звание чемпиона этого клуба, а проигрывать мне нечего.

– Ты проиграешь, проиграешь, – сказал Бэйер. – Все они, все, все проигрывают, проигрывают они, Пол, правда? Все они тебе проигрывают.

– Скромность не позволяет мне отвечать, – сказал Пол. – За меня говорит таблица. – Он разрешил себе это маленькое удовольствие – поговорить о своей непобедимости. Судя по шуму, доносящемуся из гардеробной, в сегодняшней игре ожидалась какая-то эксцентричная выходка, но он был в себе уверен.

– Дорогу Шашисту Чарли! Дорогу Шашисту Чарли! – раздались из фойе крики помощников Беррингера.

Толпа в комнате для игр расступилась, и тройка вкатил завернутый в простыню и громыхающий на роликах ящик высотой в человеческий рост.

– Что там внутри – человек? – спросил Кронер.

– Там внутри мозг, мозг там, – торжествующе сказал Беррингер. – Шашист Чарли, мировой чемпион по шашкам, намерен покорять новые планеты! – Он ухватил за угол простыню и открыл Чарли – серый стальной ящик с вмонтированной в его переднюю стенку шахматной доской. На каждом из квадратов имелись красные и зеленые глазки, за каждым из которых была лампочка.

– Рад познакомиться, Чарли, – сказал Пол, пытаясь изобразить на своем лице улыбку.

Когда он понял, что здесь готовится, почувствовал, что краска заливает его лицо, и это привело его в тихое бешенство. Его первым желанием было убратъся отсюда ко всем чертям.

Бэйер открыл заднюю стенку ящика.

– О, да-да-да, действительно, – сказал он. – Гляди, гляди, гляди – это идет сюда, а это – о, да-да-да. О, я думаю, что у него даже есть запоминающее устройство. Ведь эта же лента именно для этого, а, ребята? Память? Да?

– Да, сэр, – неуверенно сказал Беррингер. – Я полагаю.

– Это ты сам соорудил? – недоверчиво спросил Кронер.

– Нет, сэр, – сказал Беррингер. – Это мой отец. Шашки – его хобби.

– Беррингер, Беррингер, Беррингер? – вспоминал, мучительно морщась, Бэйер.

– Вы знаете Дейва Беррингера, а это сын Дейва, – сказал Кронер.

– О! – Бэйер, вновь воодушевившись, принялся осматривать Шашиста Чарли. – Клянусь Георгием, это удивительно, это удивительно, это удивительно.

Эта штука была построена отцом Фреда, одним из лучших в стране конструкторов счетно-решающих машин.

Пол, ссутулившись, сидел в кресле и покорно ожидал начала комедии. Он глянул на тупое, самодовольное лицо Беррингера и понял, что этот щенок, помимо внешних контактов и сигнальных лампочек, ничего не понимает в этой машине.

Фланирующей походкой Финнерти вышел из столовой, поедая что-то с тарелки, которую он держал на уровне челюсти. Он поставил ее на ящик Шашиста Чарли и просунул свою голову в открытую заднюю стенку рядом с головой Бэйера.

– Кто-нибудь поставил на него? – сказал он.

– Ты что – с ума сошел? – сказал Пол.

– Как прикажете, как прикажете, – сказал Беррингер. Он выложил на стол свой толстый бумажник.

Остальная тройка юнцов подключила провод Шашиста Чарли к розетке, и теперь, когда они пощелкали выключателями, ящик загудел и защелкал, лампочки на его передней панели замигали.

Пол встал.

– Сдаюсь, – сказал он. Он похлопал по ящику. – Поздравляю, Чарльз, ты оказался более способным человеком, чем я. Леди и джентльмены, разрешите мне представить вам нового клубного чемпиона. – И двинулся по направлению к бару.

– Милый, – сказала Анита, ухватив его за рукав. – О, продолжай, пожалуйста, это ведь так не похоже на тебя.

– Я не могу выиграть у этой чертовой штуки. Она просто не способна на ошибки.

– Но ты же можешь играть против нее.

– И что же я этим докажу?

– Валяй, Пол, – сказал Финнерти. – Я осмотрел этого Чарли, и он не показался мне таким уж смышленным. Я ставлю на тебя: здесь пятьдесят долларов наличными – и готов биться об заклад с любым, кто считает, что Шашист Чарли может выиграть.

Шеферд с готовностью бросил три двадцатки. Финнерти ответил равной суммой.

– Уж лучше побейся об заклад, что солнце не взойдет утром, – сказал Пол.

– Играй, – сказал Финнерти.

Пол опять уселся. Неохотно он двинул вперед шашку. Один из юнцов включил контакт, и загорелась лампочка, фиксирующая ход Пола. На брюхе Шашиста Чарли тут же загорелась вторая лампочка, указывающая Беррингеру наилучший ответный ход.

Беррингер улыбнулся и сделал то, что приказывала ему машина. Он закурил сигарету и принялся похлопывать лежащую перед ним пачку денег.

Пол опять сделал ход. Контакт был включен, и загорелись соответствующие лампочки. Так продолжалось в течение нескольких ходов.

К величайшему изумлению Пола, он взял одну из шашек Беррингера, причем это, насколько он понимал, никак не вело к его разгрому. Затем он взял еще одну шашку и еще одну. Он уважительно покачал головой. Машина, по всей видимости, далеко вперед рассчитала партию по какому-то пока еще непонятному стратегическому плану. Шашист Чарли, как бы в подтверждение его мыслей, издал угрожающее шипение, которое все возрастало в ходе игры.

– При таком положении дел я ставлю три против одного на Пола, – сказал Финнерти. Беррингер и Шеферд тут же поймали его на слове и выложили еще по двадцатке.

Пол разменял свою шашку на три шашки противника.

– Стойте, подождите минуточку, – сказал Беррингер.

– А чего ждать? – сказал Финнерти.

– Здесь что-то не так.

– Просто вас с Шашистом Чарли бьют – вот и все. Всегда кто-нибудь выигрывает, а кто-нибудь проигрывает, – сказал Финнерти. – Так уж заведено.

– Верно, но если бы Шашист Чарли работал правильно, он никак не мог бы проиграть. – Беррингер неуверенно поднялся. – Послушайте, может, нам лучше отложить партию, пока мы не выясним, все ли здесь в порядке. – Он испытующе похлопал переднюю панель. – Боже мой, да она раскалена, как сковородка!

– Кончайте партию, юноша. Мне хочется знать, кто будет чемпионом, – сказал Финнерти.

– Да вы что, не видите? – в ярости завопил Беррингер. – Он работает неверно! – И умоляюще оглядел комнату.

– Ваш ход, – сказал Пол.

Беррингер беспомощно глянул на лампочки и передвинул одну из шашек вперед.

Пол взял еще две беррингеровские шашки, а свою провел в дамки.

– Должно быть, это самая хитрая западня в истории шашек, – рассмеялся он. Теперь все это его страшно забавляло.

– В любую минуту Шашист Чарли спохватится, и тогда прощай твое чемпионство, – сказал Финнерти. – А теперь раз-два, и давай занавес, Пол.

– Точный расчет – великая вещь, – сказал Пол. Он потянул носом. В воздухе стоял тяжелый запах горелой краски, и глаза у него уже начало пощипывать.

Один из помощников Беррингера откинул заднюю стенку ящика, и дым ядовито-зеленого цвета повалил в комнату.

– Пожар! – закричал Бэйер.

Вбежал официант с огнетушителем и направил струю жидкости внутрь Шашиста Чарли. Каждый раз, когда струя попадала на его раскаленные части, изнутри вырывались облака пара.

Лампочки на фронтальной панели Чарли бешено замелькали, разыгрывая в невероятном темпе какую-то чертовски трудную партию, правила которой были понятны одной только машине. Все лампочки вспыхнули одновременно, гудение становилось все громче и громче, пока не зазвучало подобно мощной органной ноте, и вдруг неожиданно умолкло. Одна за другой выключались маленькие лампочки, как гаснут окна в деревне, погружающейся в сон.

– Ух ты, ох-ох-ох, ух ты, – пробормотал Бэйер.

– Фред, я так огорчена, – сказала Анита. Она укоризненно поглядела на Пола.

Инженеры собрались вокруг Шашиста Чарли, и те, кто стоял в переднем ряду, трогали через щели расплавленные вакуумные трубки и почерневшие провода. Сожаление было написано на всех лицах. Умерло что-то прекрасное.

– Такая милая вещь, – грустно сказал Кронер, положив руку на плечо Беррингеру. – Если хотите, я сам расскажу вашему отцу обо всем, что произошло, тогда, может быть, все утрясется.

– Фактически в этом была вся его жизнь, помимо лаборатории, – сказал Беррингер. Он был потрясен и убит. – Долгие годы. И почему так должно было случиться? – Это прозвучало как еще одно пустое эхо вопроса, который человечество задает уже миллионы лет. Можно иногда подумать, что люди и на свет-то рождаются только для того, чтобы задать его!

– Бог дал, Бог взял, – сказал Финнерти.

Прикусив губу, Беррингер кивнул, и тут только до него стало доходить, кто проговорил эти слова. Его тупое круглое лицо медленно приняло подлое и угрожающее выражение.

– Ага, – сказал он, облизывая губы, – умница. А я уж чуть было не забыл о вас.

– А пожалуй, не следовало бы. Я поставил достаточную сумму денег на победителя.

– Постойте-ка, Финнерти, – примиряюще заговорил Кронер, – давайте считать это ничьей, а? Я хочу сказать, что, в конце концов, у парнишки есть основание для расстройства и...

– Вничью? Черта с два, – сказал Финнерти. – Пол разложил этого Шашиста Чарли как миленького.

– Мне кажется, я начинаю кое-что понимать, – с угрозой сказал Беррингер. Он ухватил Финнерти за отвороты пиджака. – Ты что, умник, сделал с Шашистом Чарли?

– Спроси у Бэйера. Его голова была рядом с моей. Бэйер, я сделал что-нибудь с Шашистом Чарли?

– А? Что? Сделал что-нибудь, что-нибудь сделал? Повредил, вы думаете? Нет, нет, нет, – сказал Бэйер.

– Тогда, тучный юноша, садитесь и заканчивайте партию, – сказал Финнерти. – Либо сдавайтесь. В любом случае я желаю получить денежки.

– Если вы ничего не сделали с Чарли, то откуда же у вас была такая уверенность, что он проиграет?

– Потому что мое сочувствие всегда на стороне человека и против машины, а особенно машины, за которой стоит такой полоумок, как вы, да еще выступающей против такого человека, как Пол. А кроме того, у Чарли болтались соединения.

– Тогда вы должны были сказать об этом! – завопил Беррингер. Он указал на развалины машины. – Поглядите, нет, вы только полюбуйтесь, что вы натворили, умолчав о болтающемся контакте! Мне следовало бы твоей грязной мордой весь пол здесь вымести.

– Но, но, но, тише, тише, тише, – сказал Кронер, становясь между ними. – Вам действительно следовало бы сказать об этом контакте, Эд. Стыдно, просто стыдно на самом деле.

– Если Шашист Чарли собирался завоевать титул чемпиона, отобрав его у человека, то он, черт бы его побрал, мог бы и подтянуть свои контакты. Пол сам следит за своей сетью, так пусть и Чарли поступает так же. Кто живет электронами, тот и умирает от электронов. Сик семпер тиранис¹. – Он взял со стола банкноты. – Спокойной ночи.

Ногти Аниты впились в руку Пола.

– Он испортил весь вечер, о, Пол, Пол!

Направляясь к выходу, Финнерти остановился подле Пола с Анитой.

– Отлично сыграно, чемпион.

¹ Так всегда с тиранами (лат.).

– Пожалуйста, отдайте им их деньги, – сказала Анита. – Машина неисправна. Будьте честны. Разве я не права, Пол?

К изумлению всей печальной группы, Пол вдруг потерял над собой контроль и расхохотался.

– В здоровом теле здоровый дух, чемпион, – сказал Финнерти. – Я отправляюсь домой, пока эти спортивные джентльмены не нашли веревки.

– Домой? В Вашингтон? – спросила Анита.

– Нет, милая, домой к вам. У меня больше нет дома в Вашингтоне.

Анита прикрыла глаза.

– Понимаю, – сказала она.

VI

– А какое было у него выражение, когда он сказал это? – спросила Анита.

С успокоителем на лице Пол пытался уснуть, плотно закутавшись, в темном уютном логове, в которое он каждую ночь превращал свою постель.

– У него было печальное выражение – приятное и печальное.

Уже три часа они перебирали события вечера в клубе, возвращаясь снова и снова к тому, что сказал Кронер в качестве прощального приветствия.

– И он ни разу не отозвал тебя в сторону на пару слов?

Сна у Аниты не было ни в одном глазу.

– Честное скаутское, Анита, это все, что он сказал мне напоследок.

Она вдумчиво повторила слова Кронера: «Я хочу, чтобы вы, Пол, пришли ко мне и Маме на следующей неделе».

– Вот и все.

– И ничего о Питсбурге?

– Нет, – терпеливо сказал он. – Я говорил тебе – нет. – Он поплотнее обернул успокоитель вокруг головы и еще выше подтянул колени. – Нет.

– Неужели я не имею права поинтересоваться? – сказала она. По-видимому, он причинил ей боль. – Неужели то, что ты говоришь мне, должно означать, что я не имею права заботиться о тебе?

– Я рад, что ты заботишься, – сказал он без всякого выражения. – Очень хорошо, прекрасно, спасибо.

В этом полусне, полубреду перед ним вдруг предстало видение того, о чем обычно не думают, заявляя, что муж и жена – одно целое, некое чудовище, трогательно странное и беспомощное, как сиамские близнецы.

– Женщины ведь вникают в суть вещей так, как мужчины вникать просто не способны, – говорила она. – Мы замечаем важные вещи, которые мужчины пропускают. Кронеру сегодня вечером хотелось, чтобы ты сломал лед в вопросе о Питсбурге, а ты просто...

– Мы узнаем, что было у Кронера на уме, когда я приду к нему. А теперь давай, пожалуйста, спать.

– Финнерти! – сказала она. – Это из-за него все пошло кувырком. Честное слово! Сколько еще он собирается у нас пробыть?

– Мы ему осточертеем через пару дней, точно так же, как все вокруг.

– НБПП не должно оставлять ему много времени на то, чтобы слоняться по всей стране и оскорблять старых друзей.

– Он ушел. Он сейчас нигде не работает.

Она села на постели.

– Они его вышвырнули? Вот молодцы!

– Ушел. Они предлагали ему более высокий пост, только бы он остался. Но он так решил.

Он вдруг почувствовал, что эта тема, к которой он испытывал интерес, совершенно прогнала сон. Когда Анита без конца тараторила о Питсбурге, Пол сжимался в комок, натягивая на голову одеяло. Теперь же он почувствовал облегчение, и ему захотелось выпрямиться, как и подобает мужчине. «Финнерти» опять стало волшебным именем. Чувства Пола по отношению к нему совершили полный круг. Бодрое настроение и уверенность в себе, которых Пол не испытывал уже многие годы, чем бы он ни занимался, – эти чувства как бы вдохнул в него Финнерти во время забавного посрамления Шашиста Чарли. Более того, мысли Пола пробудились, словно освеженные прохладным ветерком, – было что-то чарующее в том, что сделал Финнерти, он ушел – вещь почти столь же непостижимая и простая, как самоубийство.

– Пол...

– Ммм...

– Твой отец верил, что ты в один прекрасный день станешь управляющим в Питсбурге. Если бы только он был жив, ничто не принесло бы ему большей радости, чем весть о том, что ты на этом посту.

– Умммгг... – Он вспомнил, как Анита вскоре после их женитьбы раскопала в каком-то чемодане портрет его отца, увеличила его, поместила в рамку и преподнесла мужу в качестве подарка на день рождения. Портрет стоял сейчас там, где она поставила его, – на письменном столе Пола. Это была первая вещь, которую Пол видел, вставая утром, и последняя, когда отправлялся спать. Анита никогда не встречалась с отцом Пола, и он сам мало рассказывал ей об отце; и все же она создала нечто вроде мифа об этом человеке, мифа, который позволял ей со знанием дела болтать целыми часами. Миф сей гласил, что отец Пола в молодые годы был таким же легкомысленным, как Пол, что сила, вознесшая его на самую вершину, пришла к нему в среднем возрасте, – пришла именно в те годы, в которые только теперь вступал Пол.

Кронер тоже часто повторял, что Пол пойдет по стопам отца. Вера Кронера помогла в свое время Полу стать управляющим Илиума, и теперь эта вера может дать ему руководство Питсбургом. Когда Пол задумывался над своим столь легко доставшимся возвышением по иерархической лестнице, он иногда, вот в такие именно моменты, чувствовал себя неловко, словно какой-то шарлатан. Он справлялся со своими обязанностями – тут уж ничего не скажешь, однако у него не было того, что было у его отца, у Кронера, у Шеферда и многих других: искренней веры в значимость того, что они делают; способности принять душой – почти так, как это делает влюбленный, – корпоративную личность, всемогущую и всеведущую. Короче говоря, Полу не хватало того, что делало его отца воинственным и великим: способности все-рез все это воспринимать.

– А как ты думаешь поступить с Шефердом? – сказала Анита.

Пол опять начал уходить в себя.

– Поступить с Шефердом? Никак.

– Если кто-нибудь не подрежет ему крылья, он в один прекрасный день перемахнет через головы всех.

– Милости прошу.

– Ты это серьезно?

– Если серьезно, то я хочу спать.

Пружины ее матраца застонали, когда она опять улеглась. Потом она еще несколько минут вертелась, устраиваясь поудобней.

– А ты знаешь, это забавно, – сказала она.

– Хмм?..

– Я все время замечала, что иногда Шеферд очень на кого-то походит. И до сегодняшнего вечера никак не могла понять, на кого именно.

– Мгм...

– И только сегодня я поняла наконец, что он точная копия твоего отца.

VII

Рядовой первого класса Эльмо Хэкетс-младший приблизился к шаху Братпура, доктору Юингу Хольярду из госдепартамента, Хашдрахру Миазме – их переводчику, генералу армии Милфорду Бромли, начальнику лагеря генералу Уильяму Корбетту, командиру дивизии генерал-майору Эрлу Пруитту и их свите.

Рядовой первого класса Хэкетс стоял в среднем ряду первого отделения второго взвода второй роты первого батальона 427-го полка 107-й пехотной дивизии десятого корпуса двенадцатой армии, и он, оставаясь в строю, опускал свою левую ногу каждый раз, когда барабан издавал басовый грохот.

– Ди-ви-зи-яая!.. – закричал командир дивизии в микрофон.

– По-о-о-лк! – выкрикнули четыре командира полка.

– Таль-о-о-он! – заорали двенадцать батальонных командиров.

– Рт-ааа! – крикнули тридцать шесть ротных командиров.

– Батаре-е-ея! – крикнули двенадцать командиров батарей.

– Взвод! – рявкнули сто девяносто два командира взвода.

– Хэкетс, – сказал себе рядовой первого класса Хэкетс.

– Стой!

Ать-два – и Хэкетс встал.

«Равнение!» – проорал громкоговоритель.

– Равнение, равнение-нение-нение-нение... – эхом отозвались двести пятьдесят шесть голосов.

– Равнение, – сказал себе Хэкетс, рядовой первого класса.

– На-пра-во!

Ать-два – и Хэкетс сделал равнение направо. Он глянул в глаза шаха Братпура, духовного вождя шести миллионов человек в каких-то далеких краях.

Шах чуть заметно поклонился.

Хэкетс не поклонился в ответ потому что это не положено а он не намерен был делать каких-нибудь неположенных вещей черт бы их всех побрал ему оставалось всего каких-то двадцать три года тянуть эту лямку и тогда все будет покончено с армией и провались она в тартары и через эти двадцать три года если какой-нибудь сучий потрох полковник или лейтенант или генерал подойдет к нему и скажет: «Отдать честь!» или «На плечо!» или «Почистить ботинки» или что-нибудь вроде этого он ему скажет: «Поцелуй-ка меня в задницу, сынок» и вытащит справку об увольнении в запас и плюнет ему в морду и пойдет себе надрывая живот от хохота потому как его двадцать пять лет закончены и все что ему нужно делать это посиживать со старыми друзьями у Хукера в Эвансвилле и если чего дожидаться то только чека на получение заслуженной пенсии и катись-ка ты дружок потому что теперь я не намерен терпеть нагоняи от кого бы то ни было, потому что я с этим покончил и...

Шах восхищенно захлопал в ладоши, продолжая разглядывать рядового первого класса Хэкетса, который был здоровенным детиной.

– Ники такару! – воскликнул шах, распространяя крепкий аромат сумклиша.

– Не такару! – сказал доктор Хольярд. – Солда-ты.

– Не такару? – озадаченно спросил шах.

– Что он сказал? – спросил генерал группы армий Бромли.

– Он говорит, что они отличное стадо рабов, – пояснил Хольярд. Он обернулся к шаху и погрозил пальцем маленькому темнокожему человеку. – Не такару. Нет, нет, нет.

Хашдрахр, видимо, тоже зашел в тупик и никак не помогал Хольярду объясняться.

– Сим коула такару, акка сахн салет? – спросил шах у Хашдрахра.

Пожав плечами, Хашдрахр вопросительно уставился на Хольярда.

– Шах говорит, если они не рабы, то как же вы заставляете их делать то, что они делают?

– Патриотизм, – строго сказал генерал армии Бромли. – Патриотизм, черт побери.

– Любовь к стране, – сказал Хольярд.

Хашдрахр сказал что-то шаху, и шах чуть заметно кивнул, однако выражение озадаченности так и не исчезло с его лица.

– Сиди ба... – сказал он и умолк.

– Э? – спросил Корбетт.

– Даже так... – перевел Хашдрахр, но и он выглядел столь же неубежденным, как и шах.

– Наа-лее! – прокричал громкоговоритель.

– Наа-лее-лее-лее-лее...

– На-ле... – сказал себе Хэкетс.

И Хэкетс думал о том как ему придется оставаться одному в казармах в эту субботу когда все остальные будут гулять по увольнительным из-за того что произошло сегодня на инспекторской утренней поверке после того как он подмел и вымыл шваброй пол и вымыл окно у своей койки и расправил одеяло и убедился что зубная паста лежит слева от тюбика с кремом для бритья и что крышки обоих тюбиков смотрят в разные стороны и что отвороты его гетр доходят аккуратно до начала шнуровки ботинок и что его обеденный судок обеденная кружка обеденная ложка обеденная вилка и обеденный нож и котелок сияют и что его деревянное ружье надраено а его эрзац-металлические части достаточно черны и что его ботинки блестят и что запасная их пара зашнурована до самого верха и шнурки их завязаны и что одежда на вешалках развешана в должном порядке – две рубашки по требованию две пары брюк по требованию три рубашки хаки трое брюк хаки две рубашки в елочку из саржи двое брюк из саржи в елочку полевая куртка блуза по требованию плащ по требованию и что все карманы этой одежды пусты и застегнуты и тогда инспектирующий офицер прошел и сказал: «Эй, солдат, у тебя ширинка расстегнута, останешься без увольнения», и...

– ...во!

– Ать-два, – сказал Хэкетс.

– Шагооом...

– Шагом, шагом, шагом, гом, гом, гом...

– Шагом, – сказал себе Хэкетс.

И Хэкетс подумал куда еще его к чертям занесет в следующие двадцать три года и подумал еще что было бы очень здорово смыться куда-нибудь из Штатов на какое-то время и обосноваться где-нибудь еще и возможно быть там кем-нибудь в какой-нибудь из этих стран а не оставаться тут последней задницей без гроша в кармане и дожидаясь какого-нибудь местечка да так и не получить его в своей собственной стране или не получить хорошего местечка но все же иметь вполне приличное местечко по сравнению с теми которые вообще никакого не дождались но это нужно только чтобы как-нибудь прожить а он ей-богу не отказался бы и от маленькой толики славы а за морем можно заполучить и местечко и славу и пока там нет особой стрельбы а возможно ее не будет еще долго да и тогда у тебя будет настоящее доброе ружье и настоящие патроны и это тоже придает немножко славы и уж черт возьми это намного более подходящее занятие для мужчины чем маршировать взад-вперед с деревянными макетами и конечно же он не отказался бы от маленького званьица но он знал каковы его Личные Показатели и все это тоже знают а особенно машины поэтому все так и останется все эти двадцать три года если только в машинах не перегорит какая-нибудь трубка и они не прочитают его карточку неверно и не направят его в ОЦС а это тоже случается время от времени. Был же ведь такой Мулкани которому удалось заполучить в руки свою карточку и он покрыл ее сахарной глазурью чтобы машины подумали будто ему полагается большое повышение но его упрятали в изолятор за двадцать шестое заболевание триппером а потом направили в оркестр играть на

тромбоне хотя он никак не мог насвистеть даже «Огненный крест» и все же это было лучше чем мытариться в КРРах целыми днями а тут у тебя нет особых забот да и форма хорошая только вот надо завести штаны на «молниях» и как только пройдут эти двадцать три года он сможет подойти к какому-нибудь сучьему генералу или там полковнику и сказать ему «Попелуй меня в...».

– Марш!

– Бумм!

Грохнул басом барабан, и левая нога Хэккетса опустилась, и он двинулся посреди громадной послушной людской лавины.

– Такару, – сказал шах Хашдрахру, перекрывая грохот. Хашдрахр улыбнулся и согласно закивал головой.

– Такару.

– Черт его знает, что мне с ним делать! – расстроенно сказал Холъярд генералу армии Бромли. – Этот малый обо всем, что он видит, говорит, пользуясь терминологией своей страны, а эта его страна, должно быть, жуткая дыра.

– Америкка вагта боуна, ни хоури манко Салим да вагта динко, – сказал шах.

– Чего ему еще надо? – нетерпеливо спросил Холъярд.

– Он говорит, американцы изменили почти всё на земле, – ответил Хашдрахр, – но легче было бы сдвинуть Гималаи, чем изменить Армию.

Шах в это время приветливо махал рукой, прощаясь с уходящими войсками.

– Дибо, такару, дибо.

VIII

Пол позавтракал в одиночестве. Анита и Финнерти все еще отсыпались после вчерашнего в разных концах дома.

Полу никак не удавалось завести свой «Плимут», и наконец он обнаружил, что кончился бензин. Прошлым вечером оставалось почти полбака. Значит, Финнерти проделал в нем далекое путешествие после того, как они оставили его одного в постели и отправились без него в Кантри-Клуб.

Пол пошарил в отделении для перчаток в поисках шланга и нашел его, но тут вдруг почувствовал, что еще чего-то не хватает. Он опять сунул руку в отделение для перчаток и обшарил все кругом. Его старый пистолет исчез. Он искал за сиденьем на полу, но так и не нашел его. Наверное, какой-нибудь мальчишка стащил пистолет, когда он заезжал в Усадьбу в поисках виски. Теперь придется немедленно сообщить в полицию, придется заполнять там всевозможные бланки. Он попытался придумать какую-нибудь отговорку, которая избавила бы его от обвинения в халатности и одновременно не принесла бы никому никаких неприятностей.

Он сунул шланг в горловину бензобака лимузина, пососал, сплюнул и сунул другой конец в горловину пустого бака «Плимута». Ожидая, пока перельется бензин, он вышел из гаража на залитый теплым солнцем двор.

С треском распахнулось окно ванной комнаты, и он, посмотрев вверх, увидел Финнерти, глядящегося в зеркальце аптечки. Финнерти не заметил Пола. Во рту у него была согнутая сигарета, и эта сигарета так и оставалась у него во рту, пока он кое-как мылил лицо. Пепел на сигарете становился длиннее и длиннее и, наконец, стал невероятно длинным, так что огонек почти прикасался к губам Финнерти. Он вынул сигарету изо рта, и длинный пепел свалился. Финнерти щелчком направил окурок по направлению к туалету, взял другую сигарету и продолжал бриться. И опять столбик пепла становился все длиннее и длиннее. Финнерти наклонился вплотную к зеркалу, и столбик пепла сломался о него. Большим и указательным пальцами он попытался выдавить прыщик, но, по-видимому, безрезультатно. Все еще косясь в зеркало на покрасневшее место, он на ощупь поискал полотенце одной рукой, схватил не глядя первое попавшееся и смахнул чулки Аниты с вешалки для полотенца в раковину. Закончив свой туалет, Финнерти сказал что-то своему отражению в зеркале, скорчил рожу и вышел.

Пол вернулся в гараж, свернул шланг, сунул его в отделение для перчаток и выехал. Машина опять работала неровно, то набирая скорость, то затихая, то набирая скорость, то опять затихая. Во всяком случае, она отвлекала его от неприятных мыслей о пропавшем пистолете. На длинном подъеме у дорожки для игры в гольф мотор, как ему казалось, работал не более чем на трех цилиндрах, и команда Корпуса Реконструкции и Ремонта, приводившая в порядок заграждение от ветра к северу от здания клуба, обернулась, следя за неравной борьбой машины с земным притяжением.

– Эй! Передняя фара разбита! – крикнул один из рабочих.

Пол кивнул и благодарно улыбнулся. Автомобиль дернулся и остановился почти у самой вершины. Пол поставил машину на ручной тормоз и вышел. Он поднял капот и принялся проверять контакты. Инструменты, которые он положил рядом, звякнули, и с полдюжины крпахов просунули головы под капот рядом с ним.

– Это свечи, – сказал маленький человечек с живыми глазами, похожий на итальянца.

– А-а-а, вали-ка ты в свиную задницу со своими свечами, – сказал высокий краснощекий человек, самый старший в группе. – Сейчас вы увидите, что здесь не в порядке. Дайте-ка мне вон тот ключ. – Он принялся за бензиновый насос и очень быстро отвинтил у него верхушку. Он показал прокладку под колпачком. – Вот, – произнес он очень серьезно, как хирург перед

практикантами, – вот что у вас не в порядке. Пропускает воздух. Я это знал уже в ту минуту, когда услышал вас еще в миле отсюда.

– Ну что ж, – сказал Пол, – думаю, придется позвать кого-нибудь, чтобы он ее починил. Наверное, это займет целую неделю – заказать новую прокладку.

– Это займет пяток минут, – сказал высокий человек. Он снял шляпу и с выражением явного удовлетворения вырвал из нее кожаную прокладку, защищающую фетр от пота. Достав из кармана перочинный ножик, он наложил колпачок бензинового насоса на кожаную прокладку и вырезал кружок кожи нужного размера. Затем в этом кружке он проделал в центре дырочку, поставил сделанную прокладку куда надо и собрал насос. Остальные с удовольствием наблюдали за его действиями, подавали ему нужные инструменты или подсказывали, что нужно подать, и пытались хоть как-нибудь включиться в работу. Один соскабливал зеленые и белые кристаллы с контактов аккумулятора. Второй подвернул вентили у скатов.

– Ну-ка, теперь попробуйте! – сказал высокий.

Пол нажал на стартер, мотор сразу взял, взревел, набрал и сбросил обороты в точном соответствии с нажимом педали. Пол выглянул: на лицах кррахов было написано колоссальное удовлетворение.

Он вытащил из портмоне две пятерки и протянул их высокому.

– Достаточно одной, – сказал тот. Он бережно сложил ее, спрятал в нагрудный карман своей синей рабочей рубашки и иронически улыбнулся. – Первые деньги, которые заработал за последние пять лет. Мне бы, по совести, их следовало вставить в рамочку, а? – И тут он впервые посмотрел внимательнее на Пола, как бы вспомнив, что перед ним не только мотор, но и человек. – Кажется, я вас откуда-то знаю. Вы чем занимаетесь?

Что-то заставило Пола захотеть быть не тем, кем он был.

– Держу бакалейный склад, – ответил он.

– Не нужен ли вам парень с умелыми руками?

– Сейчас пока нет. Дела идут вяло.

Но человек уже царапал что-то на клочке бумаги, для этого он положил ее на капот и дважды протыкал бумагу карандашом, когда карандаш натыкался на щель.

– Вот здесь мое имя. Если у вас есть машины, я как раз тот человек, который поможет вам держать их на ходу. Восемь лет вкалывал на заводе механиком перед войной, а если я чего и не знаю, то сразу же разберусь. – Он протянул бумажку Полу. – Куда вы ее собираетесь положить?

Пол подsunул бумажку под прозрачную пластинку в своем бумажнике поверх шоферского удостоверения.

– Положу ее сюда, чтобы была на виду. – Он пожал руку высокому и кивнул остальным. – Спасибо.

Мотор уверенно набрал скорость и перенес Пола через вершину холма к воротам Заводов Илиума. Постовой подал ему рукой сигнал из своей будки, загудел зуммер, и железные, утыканные сверху железными шипами ворота распахнулись. Теперь Пол подъехал к толстой внутренней двери, посигналил и выжидающе поглядел на тонкую прорезь в каменной кладке, за которой сидел второй часовой. Дверь с грохотом поднялась, и Пол подъехал к зданию своей конторы.

Он поднялся наверх, шагая через две ступеньки – его единственное физическое упражнение, – отпер две наружные двери, ведущие в комнату Катарины, а потом еще одну – уже в свой кабинет.

Катарина едва взглянула на него, когда он проходил. Она, по-видимому, была погружена в горестные размышления, а по другую сторону комнаты, на диване, который с успехом мог считаться его собственностью, сидел Бад Колхаун, уставившись в пол.

– Чем могу помочь? – спросил Пол.

Катарина вздохнула.

– Баду нужна работа.

– Баду нужна работа? У него сейчас четвертая по оплате должность во всем Илиуме. Я не мог бы ему предложить того, что он получает за обслуживание склада. Знаешь, Бад, ты просто с жиру бесишься. Когда я был в твоём возрасте, я и половины не получал...

– Мне нужна работа, – сказал Бад. – Любая.

– Хочешь подстегнуть Национальный Совет по Нефти, чтобы они дали тебе повышение? Конечно, Бад, для виду я мог бы тебе предложить больше, чем ты сейчас получаешь, но ты должен пообещать мне, что не поймаешь меня на слове.

– У меня нет больше работы, – сказал Бад. – Меня выставили.

Пол был изумлен:

– Неужели? С чего бы это? Моральное разложение? А как с этим приспособлением, которое ты изобрел для...

– Вот в том-то и дело, – сказал Бад, причем в голосе его чувствовалась странная смесь гордости и горечи. – Приспособление работает. Отлично делает свое дело, – он смущенно улыбнулся. – Справляется с работой намного лучше, чем это делал я.

– И проделывает все операции?

– Да. Такая разлюбезная штучка.

– И из-за этого ты остался без работы?

– Не я один – семьдесят два человека остались без работы, – сказал Бад. Он как-то умудрился еще ниже опуститься на диване. – Должности нашей категории теперь полностью исключены. Фу, и все. – Он щелкнул пальцами.

Пол прекрасно представил себе, как работник отдела комплектования настукал на клавиатуре кодовый номер должности Бада и спустя несколько секунд машина представила ему семьдесят две карточки с именами тех, кто зарабатывал на жизнь, выполняя обязанности Бада – те самые обязанности, с которыми теперь так отлично справлялась машина, созданная Бадом. И сейчас по всей стране машины, ведающие учетом рабочей силы, будут налажены таким образом, чтобы больше не считать эту должность пригодной для человека... Комбинации дырочек и зарубок, которые для машин личного состава были олицетворением Бада, оказались теперь непригодными. И если сейчас их сунут в машину, она тут же вернет их обратно.

– Теперь им больше не нужны П-128, – мрачно сказал Бад, – и ничего нет свободного ни выше, ни ниже. Я согласился бы на понижение и взял бы П-129 или даже П-130, но ничего не получается. Все места заняты.

Список личного состава лежал раскрытый перед Катариной. Она уже успела просмотреть все номера.

– П-225 и П-226 – инженеры по смазке, – сказала она. – Но обе эти должности занимает доктор Розенау.

– Да, действительно, – сказал Пол.

Бад попал в чрезвычайно дурацкое положение, и Пол никак не мог придумать, чем бы ему помочь. Машинам было известно, что Илиум имеет уже одного полагающегося ему инженера по смазкам, и они не допустят появления второго. Если персональную карточку Бада перешифровать как карточку инженера по смазке и сунуть ее в машину, машина тут же вернет ее за ненадобностью.

Как часто говаривал Кронер, строжайшая бдительность – единственный способ достижения эффективности. И машины безуданно перебирают колоды своих карточек, пытаясь снова и снова обнаружить бездельников, дармоедов или просто упущения.

– Ты ведь знаешь, Бад, не я это решаю, – сказал Пол, – мое слово почти не имеет веса при решении вопроса, кого следует нанять.

– Он знает, – сказала Катарина. – Но ему нужно обратиться куда-то, и мы подумали, что, может, вы знаете какие-нибудь ходы или с кем нужно поговорить.

– Я ужасно огорчен, – сказал Пол. – И с чего это их вдруг дернуло дать тебе назначение в Нефтяную промышленность? Тебе следовало бы числиться конструктором.

– У меня нет способностей к этому, – сказал Бад. – Так показали испытания.

И это уж обязательно было отражено на его злополучной карточке. Все показатели его способностей были на ней – неизменно, непреложно, а с карточкой не поспоришь.

– Но ведь ты конструируешь, – сказал Пол. – И, черт побери, ты делаешь это более толково, чем все их асы из Лаборатории. – Лаборатория – Национальная Лаборатория Исследований и Развития, – по сути, была порождением войны и представляла собой объединение всех усилий страны в одном Штабе, занимающемся исследованиями и усовершенствованиями. – Тебе даже не платят за твои изобретения, а ты ведь делаешь работу лучше их. Например, телеметрическое приспособление для нефтепровода, твой автомобиль, а теперь это чудовище, которое работает на складе...

– Но проверка утверждает, что способностей нет, – сказал Бад.

– Потому и машины говорят «нет», – сказала Катарина.

– Значит, так оно и есть, – сказал Бад. – Не знаю...

– Ты мог бы повидаться с Кронером, – сказал Пол.

– Я пытался, но мне не удалось прорваться через заграждение – я хочу сказать, через его секретаршу. Я сказал ей, что я насчет работы, и она позвонила в отдел кадров. Они прогнали мою карточку сквозь машину, пока она держала трубку; перед тем как ее повесить, она состроила печальную мину и объявила, что Кронер не будет принимать целый месяц.

– А может, твой университет окажет помощь? – спросил Пол. – Возможно, что, когда проходились испытания твоих способностей, у машины трубки были не в порядке. – Он говорил это безо всякой уверенности. Положение Бада было безнадежное. Как гласила старая шутка – «машине и карты в руки».

– Я написал им и попросил снова проверить мои способности. Не важно, что я там говорил, но показатели остались теми же. – Он бросил клочок разграфленной бумаги на стол Катарины. – Вот. Я написал три письма и получил обратно три такие штуки.

– Угу, – сказал Пол, с отвращением глядя на знакомые графы. Это был так называемый «Профиль Достижений и Способностей», который выдается каждому из выпускников колледжа вместе с дипломом. Сам диплом был ничем, а эта графленая бумажка всем. Когда наступало время выпуска, машина брала отметки студента и другие показатели и составляла из них одну графическую линию – профиль.

Графическая линия Бада была высокой в области теории, низкая в администрировании, низкая в области созидания и так далее – то вверх, то вниз по всей странице, вплоть до самой последней графы – личные способности. Какими-то безымянными, таинственными единицами измерения у каждого выпускника определялись высокие, средние или низкие показатели личных способностей. У Бада, как увидел Пол, они были самыми посредственными. Когда выпускник приобщался к экономическому процессу, все эти взлеты и падения на его графической линии находили свое отражение в перфорационных отверстиях его личной карточки.

– Ну что ж, во всяком случае, спасибо, – неожиданно сказал Бад, собирая свои бумаги, как будто ему вдруг стало неловко за свою слабость, вынудившую его беспокоить других своими заботами.

– Что-нибудь подвернется, – сказал Пол. Он остановился в дверях своего кабинета. – Как у тебя с деньгами?

– Они оставляют меня на моем месте еще на несколько месяцев, пока не будет установлено новое оборудование. И еще мне выдана награда за рационализаторское предложение.

– Ну, слава Богу, что ты хоть что-то получил за это. А сколько?

– Пятьсот. Это самая большая премия за этот год.

– Поздравляю. А ее занесли в твою карточку?

Бад поднял прямоугольник своей личной карточки и принялся рассматривать на свет перфорацию.

– Наверное, вот эта маленькая штуковина она и есть.

– Нет, это отметка о прививке оспы, – сказала Катарина, заглядывая ему через плечо. – У меня тоже есть такая.

– Нет, не эта, а та треугольная, рядом.

Телефон Катарина зазвонил.

– Да? – Она обернулась к Полу. – Какой-то доктор Финнерти стоит у ворот и просит, чтобы его пропустили.

– Если ему просто хочется пропустить стаканчик, скажите ему, чтобы он дождался вечера.

– Он говорит, что хочет видеть не вас, а завод.

– Хорошо, тогда впустите его.

– У них там, у ворот, не хватает народа, – сказала Катарина. – Один из охранников болеет гриппом. Кто же будет его сопровождать?

Те редкие посетители, которых допускали на Заводы Илиума, ходили по заводской территории в сопровождении охранников, которые лишь изредка указывали на особенно выдающиеся местные достопримечательности. Главной обязанностью вооруженных охранников было следить за тем, чтобы никто не приближался к жизненно важным приборам управления и не мог вывести их из строя. Система эта сохранилась с войны и от послевоенного периода бунтов, но она и до сих пор имела смысл. Довольно часто, несмотря на антисаботажные законы, кое-кому приходило в голову что-либо испортить. В Илиуме такого не случалось уже много лет, однако Пол получал донесения с других заводов о посетителе с примитивной бомбой в портфеле в Сиракузах; о старушке в Буффало, которая, отойдя от группы зрителей, всадила свой зонтик в чрезвычайно важный часовой механизм... Подобные вещи продолжали еще случаться, и Кронер требовал, чтобы охранники не отходили ни на секунду от посетителей заводов. Саботажниками становились самые различные люди – в очень редких случаях даже и высокопоставленные. Как утверждает Кронер, никогда нельзя угадать, кто предпримет следующую попытку.

– Да черт с ним, Финнерти можно пропустить и без охраны, – сказал Пол. – Он на особом положении – илиумский старожил.

– В директиве сказано, что исключений не должно быть, – сказала Катарина. Все директивы, а их были тысячи, она знала назубок.

– Пусть идет.

– Слушаюсь, сэр.

Полу показалось, что Бад следит за их разговором с намного большим вниманием, чем разговор этого заслуживал. Будто перед ним разыгрывалась какая-то захватывающая драма. Когда Катарина повесила трубку, она по ошибке приняла этот его взгляд за взгляд возлюбленного и ответила ему точно таким же.

– Шесть минут, – сказал Бад.

– Что шесть минут? – спросила Катарина.

– Шесть минут впустую, – сказал Бад. – Столько времени ушло на то, чтобы пропустить человека в ворота.

– Ну и что?

– Вы трое были связаны шесть минут, вас двое и третий – охранник. Всего восемнадцать человеко-минут. Черт побери, да ведь пропуск его обошелся в два доллара. Сколько народу проходит в ворота за год?

– Человек десять за день, наверное, – сказал Пол.

– Две тысячи семьсот пятьдесят восемь в год, – сказала Катарина.

– И по поводу каждого пропуска обращаются к вам?

– Обычно этим занимается Катарина, – сказал Пол. – В этом и состоит большая часть ее работы.

– Если считать по доллару на каждого человека, это составляет две тысячи семьсот долларов в год, – укоризненно сказал Бад. Он указал на Катарину. – Если существуют такие железные правила, то почему бы не предоставить машине решать этот вопрос? Полиция ведь не думает, здесь это просто рефлекс. Можно даже сделать приспособление, допускающее исключение для Финнерти, и это все равно обойдется не больше чем в сотню долларов.

– Но существуют ведь и особые решения, которые мне приходится принимать, – попыталась защищаться Катарина. – Бывает, сталкиваешься с массой вопросов, которые нельзя решать общим порядком, согласно заведенной рутине, – намного больше, чем в состоянии решить машина.

Но Бад ее не слушал. Он раздвинул руки, показывая размеры машины, которая уже зародилась в его воображении.

– Любой из посетителей является либо ничего не значащим типом, либо другом, либо чиновником, либо мелким начальством, либо крупным начальством. Охранник нажимает одну из пяти кнопок в верхнем ряду ящичка. Понятно? Посетитель либо пришел посмотреть, либо нанести личный визит, либо с инспекционной целью или просто по делу. Охранник нажимает одну из четырех кнопок в этом ряду. У машины есть две лампочки: красная – запрещающая и зеленая – разрешающая проход. И какие бы там ни были правила – трах! – и загорающаяся лампочка говорит охраннику, что нужно делать.

– А еще мы могли бы вывесить у охранника на стенке правила, – сказал Пол.

Это Бада озадачило.

– Да, – медленно проговорил он, – вы могли бы сделать и это. – Было совершенно очевидно, что в его представлении только уж очень серый человек мог додуматься до такого решения.

– Вы меня с ума сведете, – дрожащим голосом проговорила Катарина. – Вы не имеете права рассуждать здесь о том, что любая машина может делать то, что делаю я.

– Ну что ты, милая, – я ведь вовсе не говорю именно о тебе.

Она расплакалась, и Пол тихонько шмыгнул в свой кабинет, затворив за собой дверь.

– Ваша жена у телефона, – сказала Катарина по интеркому.

– Хорошо. Да, Анита?

– Есть что-нибудь новое от Кронера?

– Нет. Я дам тебе знать, если что-нибудь услышу.

– Надеюсь, он остался доволен вчерашним вечером.

– Доволен или твердо верит в то, что доволен.

– Финнерти там?

– Он где-то на заводе.

– Посмотрел бы ты на ванную комнату!

– Я видел, как это делалось.

– Он закуривал четыре сигареты и забывал о каждой из них. Одна на аптечке, одна на подоконнике, одна на умывальнике и одна на полочке для зубных щеток. Я не могла завтракать. Ему пора уезжать.

– Я скажу ему.

– Что ты собираешься сказать Кронеру?

– Еще и сам не знаю. Я не знаю, что он сам мне скажет.

– Представь себе, что я Кронер и говорю тебе эдак мимоходом: «Знаешь, Пол, место в Питсбурге все еще свободно». Что скажешь тогда ты?

Эта игра никогда не надоедала ей, а Полу для этой игры приходилось собирать в кулак все свое терпение. Она всегда ставила себя на место какого-нибудь важного и влиятельного человека и заставляла Пола разыгрывать с ней диалоги. Затем его ответы критически оценивались, анализировались, редактировались и отшлифовывались. Настоящие диалоги никогда ни капельки не были похожи на ее фантазии, которые только доказывали, насколько примитивное у нее представление о влиятельных людях или о том, как вершатся дела.

– Ну, давай, – поторопила она.

– Питсбург, да? – сказал Пол. – О, это чудесно. О!

– Нет, Пол, я говорю серьезно, – строго сказала она. – Что ты скажешь?

– Дорогая, я сейчас занят.

– Хорошо, ты это хорошенько продумай и позвони мне. Знаешь, что ты должен сказать, по-моему?

– Я еще позвоню тебе.

– Хорошо. До свидания. Я люблю тебя.

– Я люблю тебя, Анита. До свидания.

– Доктор Шеферд у телефона, – сказала Катарина.

Пол опять снял все еще теплую трубку.

– В чем дело, Шеф?

– Недозволенное лицо в здании № 57! Пришлите сюда охрану.

– Это Финнерти.

– Недозволенное лицо, – упрямо повторил Шеферд.

– Ну хорошо. Этот недозволенный Финнерти?

– Да, но это не относится к делу. Совершенно безразлично, какая у него фамилия. Он шныряет здесь без сопровождающего, а вы знаете, как к таким вещам относится Кронер.

– Это по моему разрешению. Я знаю, что он там находится.

– Вы этим ставите меня в неудобное положение.

– Я вас не понимаю.

– Я говорю, что за эти здания отвечаю я; а теперь вы предлагаете мне игнорировать совершенно недвусмысленный приказ Кронера. А когда дойдет до дела, все шишки на меня будут валиться?

– Да плюньте вы на это. Все в порядке. Ответственность я беру на себя.

– Другими словами, вы приказываете мне разрешить Финнерти ходить без эскорта?

– Да, именно так. Я приказываю вам.

– Тогда все в порядке, я просто хотел убедиться, правильно ли я понял. Беррингер тоже никак не хотел верить, поэтому я и дал ему параллельную трубку.

– Беррингер? – спросил Пол.

– Да! – сказал Беррингер.

– Держите это про себя.

– Вы начальство, – тупо сказал Беррингер.

– Значит, теперь все в порядке, Шеферд? – сказал Пол.

– Пожалуй. Следует ли понимать, что вы также разрешили ему делать чертежи?

– Чертежи?

– Наброски.

Тут Пол понял, что поступил опрометчиво, однако решил, что теперь уже поздно пытаться исправлять положение.

– Пусть делает все, что ему угодно. У него могут появиться полезные идеи. Итак, все в порядке?

– Ваше право, – сказал Шеферд. – Не так ли, Беррингер?

– Конечно, его право, – сказал Беррингер.

– Да, это мое право, – сказал Пол и положил трубку.

В соседней комнате Бад Колхаун все еще пытался ублажить Катарину. Голос у него стал подлизывающимся и проникновенным. До Пола донеслись отдельные фразы из разговора.

– Если на то пошло, – говорил Бад, – не так уж сложно даже его заменить приспособлением.

И Пол прекрасно понял, куда направлен указательный палец Бада.

IX

По-видимому, Финнерти нашел для себя много интересного на Заводах Илиума. Он долго не показывался в кабинете Пола. А когда все-таки появился, Катарина вскрикнула от неожиданности. Он прошел через две запертые двери, открыв их ключами, которые, вероятно, так и не сдал много лет назад, уезжая с завода в Вашингтон.

Дверь кабинета Пола была приоткрыта, и он услышал их разговор.

– Не тянитесь за пушкой, леди, моя фамилия Финнерти.

У Катарина и в самом деле валялся где-то в письменном столе пистолет, правда, патронов к нему не было. То, что секретари должны быть вооружены, предписывалось инструкцией, сохранившейся от прежних времен; это было одно из тех правил, которые Кронер считал уместным закреплять в приказах.

– Вы не имеете права на эти ключи, – холодно сказала Катарина.

– Вы что, плакали? – сказал Финнерти.

– Я узнаю, может ли доктор Протеус принять вас.

– О чем же здесь плакать? Погляньте – красные лампочки не горят, зуммера не гудят – значит, все в мире обстоит благополучно.

– Катарина, пропустите его ко мне! – крикнул Пол.

Финнерти вошел и присел на краешек стола.

– Что случилось с мисс Политикой в той комнате?

– Разбитая помолвка. Ты что собираешься делать?

– Я думаю, что нам следовало бы пропустить по паре рюмок, если только ты склонен выслушивать мои излияния.

– Хорошо. Тогда я позвоню Аните и скажу ей, что мы запоздаем к ужину.

Катарина вызвала Аниту к телефону, и Пол сказал жене, что они собираются делать.

– Ты уже подумал, что скажешь Кронеру, если он скажет тебе, что место в Питсбурге все еще свободно?

– Нет, у меня был сумасшедший день.

– Так вот, я все время думала об этом...

– Анита, мне нужно идти.

– Хорошо. Я люблю тебя.

– Я люблю тебя, Анита. До свидания. – Он посмотрел на Финнерти. – Все в порядке.

Пошли.

Он чувствовал себя заговорщиком, и это немного подымало настроение. Общение с Финнерти обычно оказывало на него такое действие. На Финнерти всегда был налет таинственности, налет причастности к мирам, о существовании которых никто и не подозревает, – человек загадочных исчезновений и столь же загадочных друзей. На самом деле Финнерти допускал Пола к очень немногому из того, что могло считаться необычным, он только давал ему видимость участия в своих загадочных делах, если таковые и были на самом деле. Но и видимости этой было вполне достаточно. Это заполняло пробел в жизни Пола, и он с удовольствием отправлялся выпить с этим странным человеком.

– Я смогу где-нибудь найти вас? – спросила Катарина.

– Нет, боюсь, что нет, – сказал Пол. Он собирался отправиться в Кантри-Клуб, где его очень легко было найти. Но чисто импульсивно он поддерживал аромат таинственности.

Финнерти приехал сюда в лимузине Пола. Лимузин они оставили у завода и уселись в старую машину Пола.

– Через мост, – сказал Финнерти.

– Я полагал, что мы едем в клуб.

– Ведь сегодня четверг, если я не ошибаюсь. Гражданские власти все еще собираются на свои торжественные обеды по четвергам?

«Гражданскими властями» называли профессиональных администраторов, которые управляли городом. Они жили на том же берегу реки, что управляющие и инженеры Заводов Илиума, но контакт между этими двумя группами был чисто внешним, и по традиции они относились друг к другу с подозрением. Раскол этот, как и многие иные вещи, начался еще во время войны, когда экономика в погоне за эффективностью стала монолитной. Тогда-то и встал вопрос, кому следует возглавить ее – бюрократическому аппарату, деловым людям и промышленникам или военным? Бизнес и бюрократия объединились на время, достаточное для того, чтобы отеснить военных, а затем так и продолжали работать рядом, относясь друг к другу с подозрением и понося друг друга, но, подобно Кронеру и Бэйеру, будучи не в силах тянуть весь воз без взаимной поддержки.

– В Илиуме не бывает особых изменений, – сказал Пол. – Гражданские власти, конечно, там будут. Но если мы пораньше приедем туда, то сможем занять кабинку в баре.

– Я бы с большим удовольствием занял койку в лепрозории.

– Ладно, тогда отправимся через мост. Только давай я надену что-нибудь более подходящее. – Пол остановил машину перед самым въездом на мост и сменил свой пиджак на куртку, взятую из багажника.

– А я все гадал, переодеваешься ты или нет. Это, кажется, та самая куртка, правда?

– Привычка.

– А что бы сказал по этому поводу психиатр?

– Он бы сказал, что это бунт против отца, который никогда нигде не появлялся без цилиндра и двубортного сюртука.

– Полагаешь, он был прохвостом?

– Откуда мне знать, каким был мой отец? Издатель «Кто есть кто» знает об этом тоже не больше моего. Отец ведь почти никогда не бывал дома.

Теперь они уже ехали по Усадьбе. Вспомнив что-то, Пол вдруг щелкнул пальцами и свернул на боковую улицу.

– Мне на минутку нужно остановиться возле управления полиции. Подождешь?

– А в чем дело?

– Чуть не забыл. Кто-то спер мой пистолет из отделения для перчаток, но, может, он и выпал, я и сам не знаю.

– Езжай дальше.

– Да ведь это только на минутку.

– Я его взял.

– Ты? Зачем?

– Мне пришла в голову мысль: а не застрелиться ли? – Финнерти сказал это самым обычным тоном. – Я даже сунул дуло в рот и подержал его там со взведенным курком минут десять.

– А где он сейчас?

– Где-то на дне Ирокеза. – Финнерти облизнул губы. – За обедом я чувствовал привкус металла и смазки во рту. Сверни налево.

Пол уже приучился спокойно выслушивать мрачные рассказы Финнерти. Когда он бывал в его обществе, ему нравилось делать вид, что он разделяет его фантастические – то светлые, то мрачные – мысли так, словно он тоже был недоволен своей относительно спокойной жизнью. Финнерти часто и очень просто говорил о самоубийстве; но, по-видимому, делал он это только потому, что ему было приятно распространяться на эту тему. Если бы ему действительно хотелось убить себя, он был бы давно мертв.

– Ты думаешь, я сумасшедший? – сказал Финнерти.

Очевидно, ему хотелось более горячего проявления чувств со стороны Пола.

– Приступ у тебя еще и сейчас не прошел. Полагаю, в этом все дело.

– Едва ли, едва ли.

– Психиатр мог бы тебе помочь. Тут есть один очень хороший в Олбани.

Финнерти отрицательно покачал головой.

– Он опять поместит меня в центр, а я хочу оставаться как можно ближе к краю, но не переваливая за него. Там, на краю, можно разглядеть многие вещи, которых не рассмотришь из центра. – Он покачал головой. – Это большие и немислимые вещи – люди, находящиеся у края, видят их первыми. – Он положил руку на плечо Полу, и Полу пришлось побороть в себе желание оказаться за тридевять земель отсюда.

– А вот как раз то, что нам нужно, – сказал Финнерти. – Поставь машину здесь.

Они объехали вокруг нескольких кварталов и сейчас вернулись обратно почти к самому въезду на мост, к тому же салуну, в который Пол заходил за виски. У Пола с этим местом были связаны неприятные воспоминания, и он предпочел бы поехать в какое-нибудь другое место, но Финнерти уже вышел из машины и направился к салуну. С облегчением Пол увидел, что улица и салун почти пусты, значит, вполне возможно, что он не встретит здесь никого из тех, кто наблюдал вчерашнюю сцену. Брандспойт не работал, но издали, со стороны парка Эдисона, доносилась музыка – по-видимому, все сейчас перекочевали туда.

– Эй, у вас разбита передняя фара, – сказал какой-то человек, выглядывая из дверей салуна.

Пол быстро прошел мимо него, даже хорошенько не разглядев, кто это.

– Спасибо.

Только догнав Финнерти во влажном полумраке салуна, он оглянулся и еще раз посмотрел на этого человека – на его куцую широкую спину. Шея у человека была толстая и красная, а над ушами поблескивали дужки стальной оправы очков. Пол понял, что это тот самый человек, который сидел рядом с Гертцем, – человек, сыну которого только что исполнилось восемнадцать лет. Пол вспомнил, что, поддавшись минутной слабости, он пообещал поговорить о его сыне с Мэтисоном, заместителем директора по личному составу. Но, может быть, он так и не узнал Пола. Пол прошмыгнул вслед за Финнерти в кабинку в самом темном углу зала.

Человек обернулся с улыбкой, глаза его полностью терялись за туманными толстыми линзами очков.

– А, добро пожаловать, доктор Протеус. Нечасто случается оказать услугу человеку с вашим положением.

Пол сделал вид, что не расслышал его, и обратил все свое внимание на Финнерти, который все вертел и вертел ложкой в сахарнице. Кучка белых крупинок просыпалась, и Финнерти с отсутствующим видом чертил на них кончиком пальца математический знак бесконечности.

– Знаешь, забавно – я ждал от этой встречи с тобой, по-видимому, того, чего ждут от долгожданных встреч. Я думал, что свидание с тобой каким-то образом утрясет все проблемы и даст моим мыслям какое-то одно направление, – сказал Финнерти. Он так говорил о своих немногочисленных духовных привязанностях, что Полу становилось неловко. Описывая свои чувства, он пользовался такими словами, какими Пол никогда не решился бы воспользоваться, говоря о своем друге: «любовь», «чувство» – все те слова, которыми пользуются обычно юные и неопытные влюбленные. Но здесь не было и налета гомосексуализма – это было архаическое выражение дружбы в устах недисциплинированного человека в столетии, когда большинство мужчин смертельно боятся, чтобы их хотя бы на секунду не заподозрили в женственности.

– Мне кажется, я тоже ждал от этого какого-то второго рождения, что ли, – сказал Пол.

– И ты очень скоро убедился, что старые друзья – всего только старые друзья, и ничего больше – они не умнее остальных и на большее не способны. Ну, черт с ним, со всем этим, тем не менее я все-таки чертовски рад опять встретиться с тобой.

– Кабинки обслуживаются с восьми! – крикнул им бармен.

– Я принесу, – сказал Финнерти. – Что тебе?

– Бурбон с водой. Сделай послабее. Анита нас ждет через час.

Финнерти вернулся с двумя высокими стаканами.

– А воду в него добавили? – сказал Пол.

– В них и так достаточно воды. – Финнерти ладонью смахнул со стола сахар. – Все дело в одиночестве, – добавил он, как бы вновь начиная прерванный разговор. – Все дело в одиночестве и неспособности принадлежать к какому-нибудь кругу. Я здесь в прежние времена просто с ума сходил от одиночества и думал, что, может, в Вашингтоне будет лучше, что я найду там множество людей, которыми я когда-то восхищался и к которым меня тянуло. Пол, Вашингтон оказался хуже Илиума раз в десять. Глупые, самовлюбленные, невежественные, лишенные воображения и чувства юмора люди. А женщины, Пол, – серенькие жены, паразитирующие на славе и могуществе своих мужей.

– Послушай-ка, Эд, – сказал, улыбаясь, Пол, – ведь они же все-таки милые люди.

– А кто не милый? Разве что я. Меня бесит их чувство превосходства, их проклятая иерархия, которая определяет качество людей при помощи машин. Наверх всплывают очень серые люди.

– А вот еще идут! – выкрикнул человек в очках с толстыми стеклами, выглядывая за дверь. Издалека приближались топот марширующих ног и глухой барабанный бой. Шум все нарастал, послышался свисток, и медные трубы оркестра грохнули какую-то мелодию.

Пол и Финнерти устремились к двери.

– Кто это? – стараясь перекрыть грохот оркестра, спросил Финнерти у человека в толстых очках.

Тот улыбнулся.

– Секрет. Вряд ли они хотят, чтобы кто-либо знал это.

Во главе процессии, окруженный четырьмя трубачами, одетыми в восточные одежды, шел напыщенный серьезный старик, торжественно несущий на вытянутых руках слоновый клык, исписанный загадочными символами. Над ним вздымалось невероятных размеров квадратное знамя в руках у ярмарочного гиганта, окруженного дюжиной арабов в разноцветном тряпье. Знамя это с четырьмя зелеными совами, казалось, должно было все объяснить. Оно было исписано четырьмя строчками давно забытых, а возможно, и только что изобретенных писем. За знаменем шагал оркестр, наигрывающий арабскую мелодию. Были также и вымпелы с изображением совы, прицепленные к трубам, а надпись, на тот случай, если ее не заметят на знамени, повторялась еще на огромном барабане футов двенадцати в диаметре, который везли на тележке.

– Ура, – тихо произнес человек в очках с толстыми стеклами.

– А почему вы приветствуете их? – спросил Финнерти.

– А вам не кажется, что кто-то обязан это сделать? Особенно в отношении Люка Люббока. Это тот, что идет с клыком.

– Чудесное занятие, – сказал Финнерти. – А что он из себя представляет?

– Секрет. Если он скажет, это перестанет быть секретом.

– Он выглядит очень важным.

– Но клык все-таки важнее.

Парадная процессия завернула за угол, послышались свистки, и музыка умолкла. Потом в конце улицы опять раздался свист, и все началось сызнова, когда группа одетых в шотландские юбочки волынщиков показалась вдали.

– В парке проводится соревнование участников парадов, – сказал человек в очках с толстыми стеклами. – Вот так они и будут маршировать здесь часами. Давайте вернемся в салун и выпьем.

– За наш счет? – спросил Финнерти.

– А за чей же еще?

– Погодите, – сказал Пол, – это должно быть интересно.

Какой-то автомобиль только что появился со стороны северного берега реки, и его водитель раздраженно сигнализировал марширующим, которые загромождали ему дорогу. Сирена автомобиля и волюнки вопили друг на дружку, пока последние шеренги марширующих не свернули на боковую улицу. Пол слишком поздно узнал сидящего за рулем человека и не успел спрятаться. Шеферд удивленно и с некоторым осуждением уставился на него, помахал неопределенно рукой и проехал. Из заднего окна выглядывали маленькие глазки Фреда Беррингера.

Пол решил не придавать никакого значения этому инциденту. Он уселся в кабинке с плотным коротышкой, а Финнерти отправился за новой порцией спиртного.

– Как ваш сын? – спросил Пол.

– Сын, доктор? Ах да, конечно, мой сын. Вы говорили, что собираетесь поговорить с Мэтисоном относительно него, не так ли? Так что же сказал старина Мэтисон?

– Я его еще не видел. Как-то случай не подвернулся.

Человек покачал головой.

– Мэтисон, Мэтисон, под этой холодной внешностью скрывается ледяное сердце. Да, теперь уже нет необходимости разговаривать с ним. С моим мальчиком все утряслось.

– В самом деле? Очень рад слышать.

– Да, он повесился сегодня утром на кухне.

– Господи!

– Да, я передал ему все, что вы мне сказали вчера, и это было настолько безнадежно, что он сдался. Это ведь лучший выход. Нас здесь слишком много. Выпьем! Вы проливаете свое виски!

– Что здесь происходит? – спросил Финнерти.

– Да я рассказывал доктору, что мой сын не счел нужным оставаться в живых и сдался сегодня утром – на шнуре от утюга.

Пол закрыл глаза.

– Боже мой, какой ужас!

Человек посмотрел на Пола со смесью замешательства и раздражения.

– Вот тебе и раз, и какого только черта я делаю это? Выпейте, доктор, и возьмите себя в руки. У меня нет сына и вообще никогда не было. – Он потряс руку Пола. – Вы слышите меня? Это я так просто.

– Тогда почему бы мне не расколоть вашу дурацкую башку? – сказал Пол, приподымаясь с места.

– Потому что ты уже засел здесь как клин, – сказал Финнерти, толкая его обратно на место. Он придвинул к ним стаканы.

– Простите, – сказал человек в очках Полу. – Мне просто хотелось поглядеть, как работают мозги у сверхчеловеков. Каков показатель вашего интеллекта, доктор?

– Это есть в списках. Почему бы вам не сходить и не поглядеть?

Да, это действительно было в списках. Показатель интеллекта каждого, измеренный Национальными Стандартными Всеобщими Классификационными Испытаниями, вывешивался публично в Илиуме – в полицейском участке.

– Ну что ж, продолжайте, – кисло сказал Пол, – поэкспериментируйте надо мной еще немного. Мне это страшно нравится.

– Вы выбрали неудачное подопытное животное, если собираетесь узнать, что представляют собой те, что по ту сторону реки, – сказал Финнерти. – Это странный парень.

– Вы ведь тоже инженер?

– Был, пока не ушел.

Человек изумился.

– А знаете, это ведь проливает свет на многое, если только вы меня не разыгрываете. Значит, имеются и недовольные, так?

– Пока мы знаем двух, – сказал Финнерти.

– А знаете ли, я в некотором роде предпочел бы не встречать вас. Намного спокойнее думать об оппозиции как об одноликой и абсолютно неправой массе. А теперь мне придется засорять свое мышление исключениями.

– А к кому же вы самого себя причисляете? – спросил Пол. – Надгосударственный Сократ, что ли?

– Фамилия – Лэшер, преподобный Джеймс Дж. Лэшер, Р-127 и ОН-55. Священник из Корпуса Реконструкций и Ремонта.

– Первый номер – номер протестантского проповедника. А что означает второй, этот «ОН»? – спросил Финнерти.

– Общественные Науки, – сказал Лэшер. – Цифра 55 обозначает магистр антропологии.

– А что делать антропологу в наши дни? – спросил Пол.

– То же самое, что делает и сверхкомплектный проповедник, – он становится общественным деятелем, скучным человеком или чудаком, а возможно, и бюрократом. – Лэшер перевел взгляд с Пола на Финнерти и обратно. – Вас я знаю, вы доктор Протеус. А вы?

– Финнерти, Эдвард Френсис Финнерти, некогда ИСи-002.

– Это ведь редчайший номер – через два нуля! – сказал Лэшер. – Мне случилось быть знакомым с несколькими людьми с одним нулем, но с двумя я не видел ни разу. Думаю, что это самая высокая квалификация, с которой мне когда-либо приходилось обмениваться дружескими словами. Если бы сам Папа Римский открыл лавочку в этой стране, то он был бы только на один пункт выше – в серии Р, естественно. У него был бы Р-001. Мне где-то говорили, что номер этот сохраняют за ним, несмотря на возражения предводителей епископальной церкви, которые сами хотят получить Р-001 для себя. Тонкое это дело.

– Они могли дать ему отрицательное число, – сказал Пол.

– Тогда и епископы потребовали бы того же. Мой стакан пуст.

– А что это вы толковали относительно оппозиции, имея в виду людей по ту сторону реки? – сказал Пол. – Вы считаете, что они работают на руку дьяволу, так?

– Нет, это вы уж слишком загнули. Я сказал бы, что вы показали, какую узкую сферу вы оставляете духовным лицам для их деятельности, большинству из них, во всяком случае. Когда до войны я беседовал со своей паствой, я обычно наставлял их, что, мол, их духовная жизнь перед лицом Бога – главное, а что их роль в экономике ничтожна по сравнению с этим. А теперь вы точно определили их роль в экономике и на рынке. Вот они и обнаружили – по крайней мере большинство из них, – что все оставленное им в удел чуть выше нуля. Маловато, прямо скажем. Мой стакан пуст.

Лэшер вздохнул.

– Так чего же вы ожидаете? – продолжал он. – Поколениями их приучали обожествлять соревнование и рынок, производительность и экономическую ценность и завидовать своим товарищам, а тут – трах! – и все это выдернуто у них из-под ног. Они больше не участники, они больше не могут быть полезны. Вся их культура провалилась в тартарары. Мой стакан пуст.

– Я его как раз наполнил, – сказал Финнерти.

– О верно, вы уже успели. – Лэшер задумчиво потягивал виски. – Эти сорванные со своих мест люди нуждаются в чем-то, чего церковь не может им дать, или же они просто не могут принять того, что им предлагает церковь. Церковь говорит, что этого достаточно, то же утверждает Библия. А люди говорят, что им этого явно недостаточно, и я подозреваю, что они правы.

– Если им нравилась старая система, то почему же они так жаловались на свою работу, когда она у них была? – спросил Пол.

– О, наконец-то мы дошли до этого – это началось уже давно, а не сразу же после войны. Возможно, все дело не в том, что у людей отняли работу, а в том, что их лишили чувства причастности, значимости. Зайдите как-нибудь в библиотеку и просмотрите газеты и журналы за период Второй мировой войны. Даже тогда велось уже много разговоров о том, что войну выиграли люди, сведущие в области производства, – сведущие, а не народ, не средние люди, которые стояли за станками. И самое страшное было то, что во всем этом была изрядная толика правды. Даже тогда половина народа, или даже больше, не очень разбиралась в машинах, на которых им приходилось работать, или в том, какую продукцию они выпускают. Они принимали участие в экономическом процессе, этого никто не отрицает, но не так, чтобы это могло давать удовлетворение их собственному «я». А потом пошла еще и вся эта рождественская реклама.

– Вы это о чем? – спросил Пол.

– Да, знаете, все эти рекламные статейки относительно американской системы, с подчеркиванием роли инженеров и управляющих, которые сделали Америку великой страной. Когда, бывало, прочитаешь такую муру, тебе начинает казаться, что управляющий и инженеры сотворили в Америке все: леса, реки, залежи ископаемых, горы, нефть – все это их работа.

– Странная штука, – продолжал Лэшер, – этот дух крестоносцев в управляющих и инженерах, эта идея, что конструирование, производство, распределение являются чуть ли не священной войной, – вся эта сказка была сварганена людьми, работавшими в отделах информации и рекламных бюро. Их нанимали управляющие и инженеры для того, чтобы популяризировать крупный бизнес в те давние дни, когда популярности ему явно не хватало. А теперь инженеры и управляющие уже чистосердечно уверовали во все высокие слова, сказанные людьми, нанятыми их предшественниками. Вчерашняя выдумка становится сегодня религиозным обрядом.

– Ну хорошо, – сказал Пол, – но вам все же придется признать, что во время войны они совершили и массу великолепных дел.

– Конечно! – согласился Лэшер. – То, что они делали для военной промышленности, действительно в какой-то степени походило на подвижничество крестовых походов; но, – и тут он пожал плечами, – точно так же вели себя и все остальные в военной промышленности. Даже я.

– Вы отводите инженерам и управляющим мрачную роль, – сказал Пол. – А что вы скажете относительно ученых? Мне кажется, что...

– Наш разговор их не касается, – нетерпеливо прервал его Лэшер. – Они просто добавляют знаний. Беда не в знаниях, а в том, для чего их используют.

Финнерти восхищенно покивал головой.

– Итак, какой же ответ можно дать сейчас на все это?

– Это страшный вопрос, – сказал Лэшер, – и он-то и является главной причиной моего пьянства. Кстати, это мой последний стакан; я не люблю быть пьяным. Я пью потому, что испуган, – испуган, правда, немножко, поэтому-то мне и не следует много пить. Все созрело, джентльмены, для появления ложного мессии, а когда он появится, прольется кровь.

– Мессии?

– Рано или поздно кто-нибудь сообразит и покорит воображение всех этих людей каким-нибудь новым чудом. В основе этого чуда будет лежать обещание восстановить чувство причастности, чувство того, что ты нужен на этой земле, чувство собственного достоинства, черт возьми. Полиция достаточно хитра и, вылавливая таких людей, бросает их за решетку якобы за нарушение законов о саботаже. Однако рано или поздно кому-нибудь удастся укрыться от полиции на продолжительное время для того, чтобы организовать целое течение.

Пол внимательно следил за выражением его лица и решил, что Лэшер не только не боится перспективы восстановления, но ему даже нравится эта идея.

– Ну и что же тогда? – спросил Пол. Он запрокинул свой стакан, и кубики льда постукивали о его зубы. Он только что опорожнил второй стакан, и ему хотелось еще.

Лэшер пожал плечами.

– Пророчества, черт возьми, – неблагоприятное занятие, и история по-своему, ретроспективно, показывает нам, каковы логические решения всяких страшных заварушек.

– Пророчеств-то уж во всяком случае, – сказал Финнерти.

– Что ж, я считаю, что вывешивать для общественного обозрения показатели интеллекта каждого – это трагическая ошибка. По-моему, первое, что придет в голову революционерам, – это перебить всех, у кого ПИ выше, скажем, 110. Если бы я был на той стороне реки, я бы велел запереть под замок все книги с записями ПИ, а мосты через реку взорвал бы.

– Затем 100 пойдет вслед за 110, 90 – вслед за 100 и так далее, – сказал Финнерти.

– Возможно. Во всяком случае, что-нибудь в этом роде. Все сейчас подготовлено для классовой войны на сравнительно определенных демаркационных линиях. Я должен сказать, что главная основа нынешнего высокомерия и является главным подстрекателем к насилию: «чем ты дошлее, тем ты лучше». Вместо привычного: «чем богаче, тем лучше». Правда, ни то, ни другое, вы сами понимаете, не подходит для, так сказать, неимущих. Критерий ума лучше денежного критерия, но лучше вот на сколько. – И Лэшер отмерил примерно одну шестнадцатую своего ногтя.

– И это, пожалуй, самая строгая иерархия, какую только можно придумать, – заметил Финнерти. – Да и как повысить свой ПИ?

– Вот именно, – сказал Лэшер. – И дело здесь вовсе не в том, умен ты или нет, дело здесь в определенной направленности этих умственных качеств. Человек не только должен быть умным, он должен быть умным в определенном, сверху утвержденном и полезном направлении; чаще всего в руководстве промышленностью и в инженерном деле.

– Либо вступить в брак с тем, кто умен, – вставил Финнерти.

– Секс все еще в состоянии пробить брешь в любых социальных структурах, тут вы правы, – согласился Лэшер.

– Большой бюст позволяет попасть куда угодно, – сказал Финнерти.

– Ну что же, довольно утешительно знать, что хоть что-то осталось неизменным на протяжении веков, не правда ли? – рассмеялся Лэшер.

Заметив некоторое замешательство у столика, Лэшер высунулся из кабинки, чтобы посмотреть, в чем там дело.

– Эй, – крикнул он, – Люк Люббок, идите к нам!

Люк, серьезный старик, несший слоновый клык во главе процессии, прошел к ним, прихлебывая по дороге пиво и нервно поглядывая на часы. Он был потный и задыхался, как человек, которому пришлось только что совершить пробежку. Под мышкой у него виднелся большой сверток, завернутый в коричневую бумагу.

Пол обрадовался возможности изучить вблизи необычный костюм Люка. Как и всякая театральная мишура, наряд этот производил впечатление только на расстоянии. Вблизи становилось понятно, что это просто подделка из дешевой материи, цветного стекла и светящейся краски. На поясе у Люка висел усыпанный драгоценностями кинжал, сделанный в основном из фанеры, с изображением совы на рукоятке. Поддельные рубины величиной с голубиное яйцо осыпали грудь его голубой блузы. На манжетах блузы и на щиколотках выцветших зеленых панталон были браслеты с маленькими бубенчиками, а на задранных носках золотых туфель – опять-таки пара маленьких сов.

– Люк, вы великолепно выглядите, – сказал Лэшер.

Глаза Люка радостно вспыхнули, но он был слишком важным человеком и притом слишком спешил, чтобы откликаться на лесть.

– Это уж слишком, слишком, – сказал он, – сейчас мне нужно переодеться для церемониального марша вместе с пармезанцами. Они ждут меня на улице, и мне нужно сменить наряд, а какой-то идиот заперся в кабинке, и мне негде переодеться. – Он быстро огляделся. – Разрешите мне войти в вашу кабину и заслоните меня, пожалуйста.

– Конечно, – сказал Финнерти.

Они дали Люку возможность пробраться в самый темный угол кабины, и Пол вдруг поймал себя на том, что злорадно оглядывается в поисках женщин.

Люк принялся разоблачаться, бормоча что-то про себя. Он с изрядным грохотом бросил пояс с кинжалом на стол. Блестящая куча все росла и росла. Издалека ее можно было принять за радугу.

Забыв о женщинах, Пол глянул на Люка и был поражен происшедшей метаморфозой. Люк был сейчас в одном белье, поношенном, желтовато-сером и не очень чистом. Он как-то сжался, погрузился, стал костлявым, шишковатым. Вид у него был покорный, он совсем не говорил и старался ни с кем не встречаться глазами. Жадно, с каким-то отчаянием он распаковал коричневый сверток и вынул из него светло-голубой наряд с золотым шитьем, отделанный алым кантом. Он натянул брюки, сюртук с пышными эполетами и ботинки. Люк вырос на глазах, набирал красок и, пристегнув саблю, опять стал разговорчивым, вежливым и сильным. Он завернул только что снятый наряд в коричневую бумагу, оставил пакет у бармена и двинулся на улицу, размахивая обнаженным клинком.

Раздались свистки, и пармезанцы сомкнули свои ряды, готовые идти за ним к славным делам в сказочном мире, о котором люди, стоящие на тротуарах, могут только строить предположения.

– Безобидное волшебство: старомодное доброе шаманство, – усмехнулся Лэшер. – Можете говорить что угодно о вашей иерархии, но Люк с его ПИ около 80 имеет титулы, по сравнению с которыми Карл Великий казался бы чем-то вроде кухонного мальчика. Но подобное занятие очень быстро теряет смысл для всех, за исключением нескольких люков Люббоков. Карточный домик рушится, и наступает страшное похмелье. – Он встал. – Нет, не наливайте мне больше. – Он постучал по столу. – Но в один прекрасный день, джентльмены, кто-то даст им то, во что они смогут впиться зубами, – возможно, вас, а может быть, и меня.

– Мы дадим им то, во что они смогут впиться зубами? – переспросил Пол. Он заметил, что слова ему даются с трудом.

– Вы как раз будете тем, во что они вопьются. – Лэшер положил руку на плечо Полу. – И еще одно: я хочу, чтобы вы на самом деле поняли, что людей действительно беспокоит вопрос, как быть их сыновьям и как жить им дальше; и что некоторые сыновья вешаются на самом деле.

– Это старо, как жизнь.

– Итак? – сказал Лэшер.

– Итак, это очень плохо. Я отнюдь не проявляю радости по этому поводу, – сказал Пол.

– Вы намерены стать новым мессией? – осведомился у Лэшера Финнерти.

– Иногда я думаю, что я бы не прочь, но только в порядке самообороны. Кроме того, это неплохая возможность разбогатеть. Но дело в том, что я не люблю бросаться очертя голову. Я прихожу к чему-нибудь после длительных раздумий. А это довольно плохо для мессии. И кроме того, приходилось ли вам когда-нибудь слышать о мессии маленьком, толстом, средних лет да еще и с плохим зрением? И потом, у меня нет подхода. Честно говоря, массы меня раздражают, и мне кажется, что я не умею это скрывать. – Он пощелкал языком. – Мне, наверное, нужно приобрести себе мундир, тогда я буду знать, что я думаю и за что я выступаю.

– Или два мундира, как Люку Люббоку, – сказал Пол.

– Можно и два. Но это максимум, который может позволить уважающий себя человек. – Лэшер отхлебнул из стакана Пола. – Ну что же, спокойной ночи.

– Выпейте еще, – сказал Финнерти.

– Нет, я в самом деле не хочу. Я не люблю напиваться.

– Хорошо. Но, во всяком случае, я хочу еще встретиться с вами. Где я могу вас найти?

– Здесь. – Он написал адрес на бумажной салфетке. – Скорее всего здесь. – Он внимательно пригляделся к Финнерти. – А знаете, отмойте получше лицо, и вы отлично сойдете за мессию.

На лице Финнерти отразилось изумление, но он не рассмеялся.

Лэшер взял со стойки крутое яйцо и разбил его, прокатив по клавиатуре механического пианино. Затем он вышел на вечернюю улицу.

– Он великолепен, не правда ли? – восхищенно сказал Финнерти.

Он медленно перевел глаза с двери салуна на Пола. Пол увидел в его глазах налет тоски и разочарования и понял, что Финнерти нашел нового друга, рядом с которым он, Пол, выглядит бледно.

– Что заказывают джентльмены? – спросила низенькая, хорошо сложенная черная официантка.

Ожидая их ответа, она не сводила глаз с экрана телевизора. Звук здесь, по-видимому, вообще никогда не включали – только изображение. Озабоченный молодой человек в длинном спортивном пиджаке метался по экрану и дул в саксофон.

Салун наполнялся, многие разодетые участники маршей пришли сюда освежиться и внесли с собой атмосферу всеобщего беспокойства и увлеченности.

Небольшого роста молодой человек в костюме муфтия, с необычайно умными, большими глазами, облокотившись на столик в кабине Пола и Эда, вглядывался в экран телевизора, казалось, с необычайным интересом. Невзначай обернувшись к Полу, он спросил:

– Как вы думаете, что он играет?

– Простите?

– Этот парень на экране – как называется песня?

– Я не слышу его.

– Я знаю, – нетерпеливо сказал молодой человек, – в том-то и дело. Угадайте только по виду.

Пол с минуту, морщась, глядел на экран, покачиваясь в такт саксофонисту и стараясь подобрать песню к ритму. Неожиданно что-то щелкнуло у него в голове, и в воображении заструилась мелодия так уверенно, как будто звук включили.

– «Розовый бутон», – сказал он, – песенка называется «Розовый бутон».

Молодой человек спокойно улыбнулся.

– «Розовый бутон», да? Может, мы просто так, для смеха, заключим пари? Я, например, сказал бы, что это – ммм... ну ладно – «Лунный рай».

– На сколько?

Молодой человек оценивающе глянул на куртку Пола, а затем с некоторым удивлением на его дорогие брюки и ботинки.

– Десятку?

– На десять. Клянусь Богом, это «Розовый бутон».

– Как он сказал, Элфи? Что это? – крикнул бармен.

– Он говорит, что это «Розовый бутон», а я – «Лунный рай». Включи-ка звук.

Заключительные аккорды «Лунного рая» послышались из репродуктора, саксофонист скорчил рожу и исчез с экрана. Бармен восхищенно подмигнул Элфи и опять выключил звук.

Пол вручил Элфи десятку.

– Поздравляю.

Элфи уселся в их кабине без приглашения. Он смотрел на экран, выпуская носом дым и прикрыв глаза.

– А как вы считаете, что они играют сейчас?

Пол решил сосредоточиться и вернуть свои деньги. Он пристально вглядывался в экран и не торопился. Сейчас был виден весь оркестр, и хотя Пол уже был уверен, что уловил мелодию правильно, он все еще поглядывал то на одного, то на другого музыканта.

– Это старое, что-то очень старое, – сказал он. – «Звездная пыль».

– Ставьте десятку на «Звездную пыль»?

– Ставлю.

– Элфи, что это? – выкрикнул бармен.

Элфи указал пальцем на Пола.

– А он хитер. Он говорит, что это «Звездная пыль», и я понимаю, почему он так думает. Прав он и в том, что это старая вещь, но только он не ту назвал. «Синяя песня» – вот как она называется. – Он с сочувствием поглядел на Пола. – Это очень трудная штука. – И он щелкнул пальцами.

Бармен повернул регулятор, полились звуки «Синей песни».

– Здорово! – сказал Пол и повернулся к Финнерти за подтверждением.

Финнерти углубился в собственные мысли, и губы его чуть шевелились, как бы ведя воображаемый разговор. Несмотря на шумное, взволнованное поведение Элфи, он, по-видимому, просто не заметил его.

– Приноровился, – скромно сказал Элфи. – Как и ко всему другому. Знаете, если долго заниматься чем-нибудь, потом получаются удивительные результаты. Я даже не мог бы сказать вам, то есть подробно объяснить, как это у меня получается. Будто еще одно чувство – просто начинаешь чувствовать.

Бармен, официантка и несколько посетителей умолкли, чтобы не пропустить слова Элфи.

– Есть тут и свои хитрости, – сказал Элфи. – Нужно следить за барабаном вместо того, чтобы присматриваться к тому, что этот малый выделяет на трубе. Так вы улавливаете основной ритм. Видите ли, многие следят за трубами, а трубач может как раз давать вариации. Научиться такому невозможно. А кроме того, тогда нужно знать инструменты – как они дают высокую ноту, как – низкую. Но и этого недостаточно. – В голосе его послышались уважительные, почти благоговейные нотки. – Выходит так, будто благодать какая-то на тебя снисходит.

– Классику он тоже угадывает, – радостно заявил бармен. – Вы бы только поглядели на него воскресными вечерами, когда играет Бостонский оркестр.

Элфи нетерпеливо вытащил сигарету из пачки.

– Да, классику тоже, – проговорил он, морщась и беспомощно выкладывая перед Полом свои сомнения. – Да, мне просто повезло в прошлое воскресенье, когда ты меня видел. Но не знаю их репертуара. Тут хоть на голову встань, а не ухватишь мелодии в середине произведения, если это классика. Да и разработать их репертуар чертовски трудно, ведь иногда ждешь целый год, а то и два, чтобы услышать вторично одну и ту же вещь. – Он протер глаза, как бы вспоминая часы, проведенные им в напряжении перед экраном. – Приходится смотреть, как они наяривают, наяривают, наяривают. И постоянно они играют что-нибудь новое, а многие из них воруют что-то из старого.

– Сложно, да? – сказал Пол.

Элфи поднял брови вверх.

– Конечно, трудно, как и все остальное. Трудно быть лучшим.

– Бывают жучки, которые пытаются прорваться, но им далеко до Элфи, – сказал бармен.

– Они хороши по-своему: обычно они быстро действуют, – сказал Элфи. – Это, знаете, когда выходит новый номер и еще никто его не слышал, тут-то они и урывают кусок. Но ни один из них не может этим прокормить себя, это уж точно. Репертуара у них нет, вот у них и получается – день так, день эдак.

– А вы живете этим? – Пол не мог скрыть свое раздражение, и негодование целиком охватило его.

- Да, – холодно произнес Элфи, – это моя профессия. Доллар здесь, десять центов там...
- Двадцать долларов здесь, – сказал Пол. Он немного смягчился.

Бармен старался поддерживать дружескую атмосферу.

- Элфи начал с того, что был монополистом, правда, Элфи? – живо вмешался он.

– Да. Но желающих слишком много. Это занятие для десяти, ну пускай – двадцати человек. А нас сейчас сотни две. Армия и КРР уже чуть было не спапали меня, поэтому я и оглядывался по сторонам, пытаюсь подыскать что-нибудь более подходящее. Забавно, что я, вовсе не думая об этом, проделывал эти штуки с самого детства. Мне следовало бы сразу заняться этим делом. Кррахи, – презрительно проговорил он, видимо припоминая, насколько близок он был к тому, чтобы оказаться втянутым в КРР. – Армия! – добавил он и сплюнул.

Несколько солдат и многие из КРР слышали, как он оскорблял их организации, но они только согласно кивали головами, полностью разделяя его презрение.

Внимание Элфи снова привлек экран.

- «Детка, милая детка», – сказал он. – Новинка.

Он заторопился к бару, чтобы более тщательно изучить движения оркестра. Бармен положил руку на регулятор громкости и внимательно следил за знаками Элфи. Элфи приподнимал бровь, и бармен включал звук. Послушав несколько секунд, Элфи кивал, и звук опять отключался.

- Что заказываете, ребята? – сказала официантка.

– Хмм? – отозвался Пол, все еще с любопытством следя за Элфи. – О, бурбон с водой, пожалуйста. – Сейчас он ставил опыты со своими глазами и обнаружил, что они плохо его слушаются.

- Ирландское виски с водой, – сказал Финнерти. – Ты голоден?

- Да, принесите нам пару крутых яиц, пожалуйста.

Настроение у Пола было отличным, он чувствовал, что тесные узы братства связывают его с людьми в этом салуне, а если идти дальше, то и со всем человечеством, с целой вселенной. Он чувствовал себя мудрым, стоящим на пороге какого-то блестящего открытия. И тут он припомнил:

- Боже мой, Анита!

- Где Анита?

- Дома, ждет нас...

Он пошел через зал, неуверенно держась на ногах, бормоча извинения и раскланиваясь со всеми встречными. Так он добрался до телефонной будки, которая все еще хранила запах сигары предыдущего своего обитателя, и позвонил домой.

- Послушай, Анита, я не приеду к обеду. Мы с Финнерти заговорились и...

- Все в порядке, дорогой, Шеферд сказал мне, чтобы я не ждала.

- Шеферд?

- Да, он видел тебя там и сказал мне, что непохоже, чтобы ты скоро попал домой.

- А когда ты его видела?

– А он сейчас здесь. Он пришел извиниться за вчерашний вечер. Все уже улажено, и мы очень хорошо проводим время.

- О? Ты приняла его извинения?

– Мы, можно сказать, пришли к взаимопониманию. Он боится, что ты представишь его в плохом виде перед Кронером, и я сделала все, что было в моих силах, чтобы заставить его думать, будто ты всерьез намерен это предпринять.

- Так послушай же, я совсем не собираюсь выставлять в плохом виде этого...

– Это ведь его метод. С огнем нужно бороться при помощи огня. Я заставила его пообещать, что он не будет распространять о тебе никаких сплетен. Разве ты не гордишься мной?

- Да, конечно.

– Теперь тебе следует наседать на него, не давать ему успокоиться.

– Угу.

– А теперь продолжай свое дело и хорошенько развлекись. Иногда тебе бывает полезно вырваться.

– Угу.

– И пожалуйста, заставь как-нибудь Финнерти уехать.

– Угу.

– Разве я пилю тебя?

– Нет.

– Пол! Тебе ведь не хочется, чтобы я была безразлична к твоим делам?

– Нет.

– Хорошо. А теперь пей и постарайся напиться. Это пойдет тебе на пользу. Только поешь чего-нибудь. Я люблю тебя, Пол.

– Я люблю тебя, Анита.

Он повесил трубку и повернулся лицом к миру, видневшемуся сквозь мутное стекло телефонной будки. Одновременно с легким головокружением к нему пришло ощущение новизны – новое и сильное чувство солидарности, идущее изнутри. Это была всеобъемлющая любовь, особенно к маленьким людям, простым людям, Господи благослови их всех. Всю свою жизнь он был скрыт от них стенами своей железной башни. И вот сейчас, этой ночью, он пришел к ним разделить их надежды и разочарования, понять их стремления, вновь открыть для себя их красоту и их земную ценность. Это было настоящее – этот берег реки, и Пол любил этих простых людей, он хотел оказать им помощь и дать им понять, что их любят и понимают, но ему хотелось также, чтобы и они в свою очередь любили его.

Когда он вернулся обратно в кабину, с Финнерти сидели две молодые женщины, и Пол немедленно полюбил их.

– Пол... разреши представить тебе мою кузину Агнесу из Детройта, – сказал Финнерти. Он положил руку на колено полной веселой рыжеволосой женщины, сидевшей рядом с ним. – А это, – сказал он, указывая через стол на высокую некрасивую брюнетку, – это твоя кузина Агнеса.

– Здравствуйте, Агнеса и Агнеса.

– Вы что – такой же тронутый, как и он? – подозрительно спросила брюнетка. – Если да, то я собираюсь домой.

– Пол – хороший, чистый, любящий американские развлечения парень, – сказал Финнерти.

– Расскажите мне о себе, – горячо попросил Пол.

– Меня зовут не Агнеса, а Барбара, – сказала брюнетка. – А ее Марта.

– Что будете заказывать? – спросила официантка.

– Двойное шотландское с содовой, – сказала Марта.

– Мне тоже, – сказала Барбара.

– Четыре доллара за напитки для дам, – сказала официантка.

Пол дал ей пятерку.

– Ух ты, господи! – воскликнула Барбара, глядя на удостоверение в бумажнике Пола. – А ведь этот малый инженер!

– Вы с той стороны реки? – спросила Марта у Финнерти.

– Мы дезертиры.

Девушки отодвинулись и, упираясь спинами в стены кабины, с удивлением смотрели на Пола и Финнерти.

– Черт побери, – произнесла наконец Марта, – о чем вы хотите, чтобы мы разговаривали? У меня в школе были хорошие отметки по алгебре.

- Мы простые парни.
- Что будете заказывать? – спросила официантка.
- Двойное шотландское с водой, – сказала Марта.
- Мне тоже, – сказала Барбара.
- Иди сюда и плюнь на все, – сказал Финнерти, притягивая опять к себе Марту. Барбара все еще сидела, отодвинувшись от Пола, и неприязненно глядела на него.
- А что вы делаете здесь – приехали посмеяться над глупыми простачками?
- Мне здесь нравится, – честно сказал Пол.
- Вы смеетесь надо мной.
- Честно, я совсем не смеюсь. Разве я сказал что-нибудь обидное?
- Вы так думаете, – сказала она.
- Четыре доллара за напитки для дам, – сказала официантка.

Пол опять уплатил. Он не знал, что ему еще сказать Барбаре. Ему вовсе не хотелось заигрывать с ней. Ему просто нужно было, чтобы она была дружелюбной и компанейской и чтобы она поняла, что он совсем не важничает. Отнюдь нет.

– Когда дают диплом инженера, не кастрируют, – говорил Финнерти Марте.

– Свободно могли бы кастрировать, – сказала Марта. – Если говорить о некоторых мальчиках, которые приезжают к нам с того берега, так можно подумать, что их в самом деле кастрировали.

– Это более поздние выпуски, – сказал Финнерти. – Им, может, этого и не требуется.

Чтобы создать более интимную и дружескую атмосферу, Пол взял один из стаканчиков Барбары и отхлебнул из него. И тут до него дошло, что стаканы дорогого шотландского виски, которые им подавались, как из рога изобилия, содержали просто окрашенную в коричневый цвет воду.

– Слабовато, – сказал он.

– А ты что – ждешь, что я умру от раскаяния? – сказала Барбара. – Выпусти меня отсюда.

– Не нужно, прошу тебя. Все в порядке. Просто поговори со мной. Я понимаю.

– Что будете заказывать? – спросила официантка.

– Двойное шотландское с водой, – сказал Пол.

– Хочешь, чтобы я себя чувствовала неловко?

– Я хочу, чтобы ты чувствовала себя хорошо. Если тебе нужны деньги, я хотел бы помочь. – Он говорил от чистого сердца.

– Ишь какой лихач, заботься о себе, – сказала Барбара. Она беспокойно оглядывала зал.

Веки Пола становились все тяжелее, тяжелее и тяжелее, пока он пытался обдумать фразу, которая сломала бы лед между ним и Барбарой. Скрестив руки, он положил их на стол и, только чтобы передохнуть на минутку, опустил на них голову.

Когда он снова открыл глаза, Финнерти расталкивал его, а Барбары и Марты уже не было. Финнерти помог ему выбраться на тротуар подышать свежим воздухом.

На улице стоял шум, все было освещено каким-то колдовским светом. Пол сообразил, что происходит что-то вроде факельного шествия. Он принялся выкрикивать приветствия, когда узнал Люка Люббока, которого проносили мимо него на носилках.

Когда Финнерти водворил его обратно в кабину, в сознании у Пола начала формироваться речь, самородок, найденный на дне туманных впечатлений вечера; речь эта оформлялась и набирала духовный блеск совершенно помимо его воли. Стоило ему только произнести ее, чтобы стать новым мессией, а Илиум превратить в новый Эдем. Первая фраза уже вертелась у него на устах, пытаясь вырваться наружу.

Пол вскарабкался на скамейку, а с нее на стол. Он высоко поднял руки над головой, призывая к вниманию.

– Друзья! Друзья мои! – выкрикнул он. – Мы должны встретиться посреди моста!

Хрупкий стол подломился под ним. Он услышал треск сломанного дерева, чьи-то выкрики, а потом погрузился в темноту.

Первое, что он услышал, очнувшись, был голос бармена.

– Пошли, пошли, закрываемся. Мне нужно запирать, – заботливо говорил бармен.

Пол уселся и застонал. Во рту у него пересохло, голова болела, столик исчез из кабины, и только обвалившаяся штукатурка да головки винтов указывали на место, где он когда-то был прикреплен к стене.

Салун опустел, но воздух все равно был наполнен лязгающими звуками. Пол выглянул из кабины и увидел, что человек моет пол шваброй. Финнерти сидел за механическим пианино и яростно импровизировал что-то на старом расстроенном инструменте.

Пол с трудом дотащился до пианино и положил Финнерти на плечо руку.

– Пошли домой.

– Я остаюсь! – выкрикнул Финнерти, продолжая колотить по клавишам. – Иди домой.

– А где же ты собираешься остаться?

И тут только Пол заметил Лэшера, который скромно сидел в тени, прислонив стул к стене. Лэшер постучал по своей толстой груди.

– У меня, – произнес он одними губами.

Финнерти, не говоря ни слова, подал Полу на прощание руку.

– Порядок, – легко сказал Пол. – Пока.

Спотыкаясь, он вышел на улицу и отыскал свою машину. На минуту он приостановился, вслушался в дьявольскую музыку Финнерти, разносившуюся по улицам спящего города. Бармен почтительно держался в сторонке от взбесившегося пианиста, не решаясь прервать игру.

Х

После ночи, проведенной с Финнерти и Лэшером, с добрыми маленькими людьми – Элфи, Люком Люббоком, барменом, Мартой и Барбарой, – доктор Пол Протеус проснулся, когда солнце уже здорово перевалило за полдень. Аниты дома не было, и он с пересохшим ртом, воспаленными глазами и желудком, будто битком набитым кошачьей шерстью, отправился на свой ответственный пост на Заводах Илиума.

Глаза доктора Катарины Финч, его секретаря, были воспаленными совсем по иной, чем у Пола, причине, по причине, которая занимала ее настолько, что ей недосуг было заниматься подобным же состоянием Пола.

– Звонил доктор Кронер, – механически сказала она.

– О? Он хотел, чтобы я ему позвонил?

– Доктор Шеферд подходил к телефону.

– Да? Что-нибудь еще?

– Полиция.

– Полиция? А им что нужно?

– Доктор Шеферд подходил к телефону.

– Ладно. – Ему все казалось горячим, светящимся и усыпляющим. Он присел на краешек ее стола и передохнул. – Попросите-ка этого сторонника конкуренции к телефону.

– Это ни к чему. Он сейчас в вашем кабинете.

Мрачно прикидывая, по поводу каких жалоб, недочетов или нарушений правил захотел его увидеть Шеферд, Пол бодро распахнул дверь своего кабинета.

Шеферд сидел за столом Пола, перед ним лежала целая пачка докладных. Он не поднял глаз. Все еще не отрывая взгляда от кипы бумаг, он энергично включил интерком.

– Мисс Финч...

– Да, сэр?

– Я по поводу месячного доклада о состоянии безопасности: говорил вам что-нибудь доктор Протеус относительно того, что он собирается делать с этим вчерашним допуском Финнерти на территорию завода без сопровождающего?

– Я и рта не раскрою по этому поводу, – сказал Пол.

Шеферд глянул на него снизу вверх с наигранной радостью и удивлением.

– О волке помолвка... – Он даже не сделал попытки освободить место Пола. – Скажи-ка, – продолжал он с дружеским участием в голосе, – я думаю, что после вчерашнего у тебя еще трещит голова, а? Нужно было взять свободный день. Я достаточно хорошо знаю дело и мог бы тебя заменить.

– Спасибо.

– Не стоит благодарности.

– Я хотел, чтобы Катарина присмотрела здесь за всем и, если нужно, вызвала меня.

– А ты знаешь, что подумал бы об этом Кронер? Не стоит нарываться на неприятности, Пол.

– Не скажешь ли ты мне, чего хотел Кронер?

– О, конечно, скажу. Он хотел, чтобы ты вместо четверга пришел к нему сегодня вечером. Завтра вечером ему нужно быть в Вашингтоне, и он останется там до конца недели.

– Ну и чудесно. А какие приятные новости приготовила мне полиция?

Шеферд благодушно рассмеялся.

– Какая-то белиберда. Они всполошились относительно пистолета, который нашли у реки. Проверка показала, что согласно номеру на этом пистолете он закреплен за тобой. Я им

сказал, чтобы они еще раз проверили, – человек, у которого достаточно ума, чтобы управлять Заводами Илиума, не так глуп, чтобы швыряться пистолетами.

– Здорово ты их, Шеф. Не возражаешь, если я позвоню?

Шеферд пододвинул через стол телефон и продолжал ставить подписи: «Лоусон Шеферд за отсутствием П. Протеуса».

– Ты ему сказал, что я с похмелья?

– Что ты, Пол. Я отлично прикрыл тебя.

– А что ты ему сказал?

– Нервы.

– Грандиозно! – В это время Катарина выходила на связь с кабинетом Кронера.

– Доктор Протеус из Илиума хочет поговорить с доктором Кронером. Он звонит в ответ на звонок доктора Кронера.

Сегодняшний день не годился для правильных оценок. Пол готов был на любые неприятности с Кронером, Шефердом и полицией и относился ко всему этому с какой-то апатией. А вот сейчас его взбесила церемония отнимающего массу времени телефонного этикета, взбесила помпезность и условность, с любовью поддерживаемая занимающими высокие должности сторонниками максимальной эффективности.

– Доктор Протеус у телефона? – спросила секретарь Кронера. – Доктор Кронер у себя.

– Минуточку, – сказала Катарина. – Доктор Протеус, доктор Кронер у себя и будет разговаривать с вами.

– Хорошо. Я у телефона.

– Доктор Протеус на линии, – сказала Катарина.

– Доктор Кронер, доктор Протеус на линии.

– Пусть говорит, – сказал Кронер.

– Скажите доктору Протеусу, пусть говорит, – сказала секретарь Кронера.

– Доктор Протеус, говорите, пожалуйста, – сказала Катарина.

– Это доктор Протеус, доктор Кронер. Я звоню в ответ на ваш звонок. – Маленький звоночек зазвонил: «тинк-тинк-тинк», это означало, что разговор записывается на пленку.

– Шеферд сказал мне, мальчик, что у тебя неважно с нервами.

– Это не совсем так. По-видимому, я подхватил какой-то вирус.

– Сейчас много летает этой гадости. Ну как, достаточно ли хорошо ты себя чувствуешь, чтобы прийти ко мне сегодня вечером?

– С превеликим удовольствием. Нужно ли мне что-нибудь принести с собой – какие-нибудь материалы, которые вы хотели бы со мной обсудить?

– Вроде Питсбурга? – подсказал Шеферд театральным шепотом.

– Нет, это совершенно неофициальный визит, Пол, – просто хорошенько поболтаем, и все. Нам уже давно не удавалось хорошенько поболтать. Мама и я, мы хотим повидать тебя в совершенно неофициальной обстановке.

Пол прикинул. Его не приглашали к Кронеру уже целый год, с того момента, как он получил свое последнее повышение.

– Это звучит очень соблазнительно. В котором часу?

– В восемь – восемь тридцать.

– Анита тоже приглашена? – Это была ошибка. Брякнул, не подумав.

– Конечно! Надеюсь, ты не наносишь частных визитов без нее, не так ли?

– О, конечно, нет, сэр.

– Я надеюсь. – Кронер покровительственно рассмеялся. – Ну, до свидания.

– Что он сказал? – спросил Шеферд.

– Он сказал, что это не твое собачье дело – подписывать за меня эти докладные. Он сказал, чтобы Катарина Финч сразу же сняла твои подписи смывателем для чернил.

– Ну-ну, валяй, валяй, – сказал Шеферд, вставая.

Пол увидел, что все ящики его стола приоткрыты. В нижнем на самом виду торчало горлышко бутылки из-под виски. Он с грохотом задвинул один за другим все ящики. Дойдя до нижнего, он вытащил бутылку и протянул ее Шеферду.

– Вот, пожалуйста, – хочешь? Это может очень пригодиться. Она сверху донизу в отпечатках моих пальцев.

– Ты собираешься меня вышибить – так я должен это понимать? – с готовностью заявил Шеферд. – Ты хочешь поднять вопрос перед Кронером? Ну давай. Я всегда готов. Посмотрим, что у тебя получится.

– Убирайся отсюда. Живо. Очисти помещение и не появляйся здесь, пока я тебя не вызову. Катарина!

– Да?

– Если доктор Шеферд придет опять в этот кабинет без моего разрешения, стреляйте в него.

Шеферд промчался мимо Пола и Катарины и выбежал наружу.

– Доктор Протеус, полиция у телефона, – сказала Катарина.

Пол крадучись выбрался из кабинета и пошел домой.

Сегодня у прислуги был выходной день, и Пол застал Аниту на кухне. «Домашняя идиллия, детишек только не хватает», – подумал он.

Кухня, если только можно так выразиться, была единственным детищем Аниты. Анита испытала все муки и радости созидательного труда, планируя ее, – мучимая сомнениями, проклиная ограниченность средств, одновременно страстно желая и страшно боясь мнения других. Теперь кухня была закончена, ею восхищались, а вердикт всего общества гласил: Анита обладает художественными наклонностями.

Это была большая, просторная, просторнее большинства жилых, комната. Грубо обтесанные балки, добытые из старого сарая, держались у потолка скрытыми болтами, вделанными в стальные конструкции дома. Стены были обшиты сосновыми досками, отделанными под старину, желтоватый налет на них был нанесен льняным маслом.

Огромный очаг и датская печь из дикого камня занимали одну стену. Над ними висело длинное, заряжающееся с дула ружье, рог с порохом и мешочек для пуль. На каминной доске со следами от восковых свечей стояли кофейная мельница и уют, а к решетке камина был прикреплен таган со ржавым котелком. Чугунный котел, достаточно вместительный, чтобы в нем можно было сварить миссионера, висел на длинном стержне над очагом, а под ним находился целый выводок маленьких черных горшочков. Деревянная маслобойка не давала закрыться двери, а пучки кукурузных початков свешивались с полки через очень хорошо рассчитанные интервалы. В углу к стене прислонена была старомодная коса, а два бостонских кресла-качалки стояли на коврике ручной работы перед холодным очагом, на котором оставленный без присмотра котел так никогда и не кипел.

Прищурившись, Пол смотрел на эту живописно-колониальную сценку и представил себе, что они с Анитой живут в отдаленном закоулке страны, в глуши, где ближайший сосед находится в двадцати восьми милях от них. Она сама варит дома мыло, делает свечи и вяжет грубые шерстяные вещи в ожидании надвигающейся суровой зимы, а он отливает пули, чтобы застрелить медведя, мясо которого избавит их от голода. Сосредоточив все свое внимание на этой картине, Пол сумел даже вызвать в себе чувство благодарности к Аните за ее присутствие здесь, благодарность Богу за женщину, которая находится рядом с ним и помогает в ошеломляющем количестве работы, необходимой для того, чтобы просто выжить. И когда он в своих мечтах притащил Аните добытого медведя, а она разделала и засолила тушу, он почувствовал колоссальный подъем – вот они вдвоем своими мышцами и умом отбили целую гору доброго красного мяса у этого негостеприимного мира. И он отошьет еще много пуль, а она наварит

мыла и наделает свечей из медвежьего жира, пока наконец поздним вечером они не свалятся рядом на вязанку соломы в углу, потные и чертовски усталые, и будут любить друг друга, а потом спать крепким сном до самого холодного рассвета...

– Урдл-урдл-урдл, – булькала автоматическая стиральная машина. – Урдл-урдл-ур-далл!!

Пол неохотно окинул взглядом остальную часть комнаты, где в кожаном кресле сидела Анита перед декоративными полками вишневого цвета, скрывавшими гладильную доску. Сейчас гладильную доску выкатили из-за полок, которые снаружи представляли собой целый фасад из ящиков и дверец, напоминающий маленький гараж для гладильного оборудования. Дверцы углового отделения были открыты. За ними находился экран телевизора, на который внимательно смотрела Анита. На экране доктор разъяснял старой леди, что ее внук будет парализован от пояса и ниже на всю жизнь.

«Урдл-урдл-урдл», – продолжала бормотать стиральная машина. Анита не обращала на нее внимания. «Дзз-зз! Тарк!» – зазвенели колокольчики. Но Анита продолжала игнорировать их. «Азззззз! Фрумп!» Верхушка стиральной машины отскочила, и коробка с сухим бельем выскользнула оттуда, как большая хризантема: белая, благоухающая и безукоризненно чистая.

– Хелло! – сказал Пол.

Анита знаком показала ему, чтобы он молчал, пока не кончится передача, а это означало – и рекламные передачи тоже.

– Хорошо, – наконец сказала она и выключила телевизор. – Твой синий костюм лежит на кровати.

– Да? А зачем?

– То есть как это «зачем»? Для того, чтобы идти к Кронерам.

– А ты откуда знаешь?

– Лоусон Шеферд позвонил и сказал мне.

– Чертовски мило с его стороны.

– Это мило со стороны любого – сказать мне, что происходит, если ты сам не делаешь этого.

– А что еще он сказал?

– Он полагает, что вы с Финнерти отлично провели время, судя по тому, как ужасно ты выглядел сегодня.

– По-видимому, он знает об этом больше меня.

Анита зажгла сигарету, красиво отшвырнула спичку и покосилась на Пола сквозь выпущенные носом струйки дыма.

– Там были девушки, Пол?

– Можно сказать, были. Марта и Барбара. Только не спрашивай меня, кто с кем был.

– Был?

– Сидел.

Она сгорбилась в кресле, спокойно поглядела в окно, раскуривая сигарету короткими сильными затяжками, глаза ее увлажнились, драматически пошмыгивал нос.

– Ты не обязан говорить мне, если тебе не хочется.

– Говорить я не буду просто потому, что не помню. – Он усмехнулся. – Одну звали Барбара, а вторую Марта, а все остальное, как говорится, покрыто мраком.

– Значит, ты не знаешь, что случилось? Я говорю, значит, могло произойти все что угодно.

Улыбка сошла с его лица.

– Я говорю, что все действительно было покрыто мраком и ничего не могло произойти. Я лежал, как тряпка, свернувшись в кабине.

– И ты ничего не помнишь?

– Я помню человека по имени Элфи, который зарабатывает себе на жизнь при помощи телевизора; человека по имени Люк Люббок, который может быть кем угодно в зависимости от костюма; проповедника, которого тошнит, когда он наблюдает, как весь мир летит ко всем чертям, и...

– И Барбару с Мартой.

– И Барбару с Мартой. И еще парады – да, Боже мой, ведь там еще были парады.

– Тебе стало лучше?

– Нет. Но тебе должно стать лучше, потому что Финнерти, кажется, нашел себе новый дом и нового друга.

– Спасибо и на этом. Я хочу, чтобы сегодня вечером ты объяснил Кронеру, что Финнерти просто злоупотребил нашим гостеприимством и что мы так же недовольны им, как и все остальные.

– Это не совсем соответствует действительности.

– Ну что ж, держи тогда это про себя, если уж он так тебе нравится.

Она подняла крышку своего бюро, где составляла ежедневные меню и вела запись домашним расходам, сверяя свои записи с поступающими из банка счетами, и вытащила оттуда три листка бумаги.

– Я знаю, что ты считаешь меня глупой, но иногда стоит немного побеспокоиться, чтобы все шло по-хорошему, Пол.

На бумаге были записаны какие-то тезисы с основными разделами, пронумерованными римскими цифрами, и с подразделами, помеченными маленькими буквами. С полным сознанием, что его головная боль набирает все большую силу, он наугад выбрал раздел III, A, I, a): «Не кури. Кронер пытается бросить курить».

– Может быть, имело бы смысл прочесть это вслух, – сказала Анита.

– Может быть, будет лучше, если я прочитаю это в одиночестве, когда ничто не будет меня отвлекать.

– На это у меня ушел почти весь день.

– Еще бы. Это самая обстоятельная работа из всех сделанных тобой. Спасибо, милая, я просто в восторге.

– Я люблю тебя, Пол.

– Я люблю тебя, Анита.

– Милый, а что касается Марты и Барбары...

– Даю тебе слово, я и не коснулся их.

– Я хотела только спросить, видел ли кто-нибудь тебя с ними?

– Полагаю, что видели, но не те люди, которые могли бы причинить мне какой-нибудь вред. Шеферд-то, уж конечно, не видел.

– Если бы это дошло до Кронера, то я просто не знала бы, что и делать. Он может посмеяться над выпивкой, но что касается женщин...

– Я спал с Барбарой, – внезапно сказал Пол.

– Я так и думала. Но это твое личное дело.

По-видимому, она уже устала от разговора и теперь с нетерпением поглядывала на экран телевизора.

– И Шеферд видел, как я спускался с ней из номеров.

– Пол!

– Шучу.

Она приложила руку к сердцу.

– Ох, слава Богу.

– «Любовь летом», – сказал Пол, пытливо приглядываясь к экрану.

– Что это?

- Оркестр. Они играют «Любовь летом». – И он насвистал несколько тактов.
- А как ты узнал, если звук выключен?
- А ты попробуй включи.

Она неохотно повернула ручку, и мелодия «Любви летом», красивая и неудобоваримая, как медовый пряник, наполнила комнату.

Подпевая оркестру, Пол направился вверх в свою спальню, зачитывая на ходу тезисы:

IV, А, I: «Если Кронер спросит тебя, почему ты хочешь в Питсбург, скажи, что ты хочешь принести большую пользу... а) Намекни на больший дом, повышение и престиж».

Постепенно Пол начал понимать, что поставил себя в дурацкое положение в глазах жителей обоих берегов реки. Он вспомнил, как кричал вчера вечером: «Мы должны встретиться посреди моста!», и решил теперь, что он был единственным заинтересованным в этом лицом, и к тому же единственным, кто не совсем уверен, к какому берегу он относится.

Если бы его попытка сделаться новым мессией увенчалась успехом и жители северного и южного берегов встретились бы на середине моста и между ними оказался бы Пол, он не имел бы ни малейшего представления, что же делать дальше. Он сознавал всем сердцем, что человечество зашло в жуткий тупик, но это был настолько логически обоснованный тупик, и его завели в него настолько умно, что он не видел, куда еще могло бы привести историческое развитие.

Пол производил в уме сложнейшие расчеты – его сбережения плюс страховки, плюс стоимость дома, плюс машины – и прикидывал, достаточно ли у него денег, чтобы попросту уйти с работы, перестать быть инструментом любого набора верований или любого выбрыка истории, которые могли бы превратить в ад чью угодно жизнь. Жить в доме у проселочной дороги...

XI

В дальнем конце гигантской пещеры шах Братпура, маленький и элегантный, как старинная табакерка, протянул бутылку сумклиша Хашдрахру Миазме. Он чихнул, так как минуту назад расстался с летней жарой наверху, и звук этот задребезжал вдоль стен и замер тихим шепотом в лежбищах летучих мышей в глубинах Карлсбадских пещер.

Доктор Юинг Дж. Хольярд совершал свое тридцать седьмое паломничество в подземные джунгли стали, проводов и стекла, заполнявших залу, в которой они сейчас стояли, и еще тридцать более крупных, лежащих за этой. Осмотр этого чуда света был включен в качестве обязательного мероприятия в турне, которые Хольярд проводил с множеством эксцентричных иностранных магнатов. Всех их можно было привести к общему знаменателю в том смысле, что их страны представляли собой великолепные рынки сбыта для товаров могучей промышленности Америки.

Электрокар на резиновых колесах остановился у лифта, возле которого стояла группа шаха, и вооруженный пистолетом армейский майор тщательно проверил их документы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.